

ПОЭМЫ

и

ПОВѢСТИ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФИИ.

1835.

ПОЭМЫ и ПОВЕСТИ

П У Ш К И Н А.

I.

ПОЭМЫ

И

ПОВѢСТИ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

1835.

ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ чтобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра.
Санктпетербургъ. Генваря 12-го дня 1835 года.

Цензоръ Никитенко.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	С Т Р А Н .
I. РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА	5.
II. КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ	147.
III. БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ	197.

Издание Книгопродавца А. Смирдина.

РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА.

П О Э М А.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Ч. I.

1

*Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Времень минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой,
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривой!
Ни тыхъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни ертышныя мои.*

*

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ помъ:
И днемъ и ночью копѣ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: памъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка памъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсь и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать випязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;

Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняепъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ тщемницѣ шамъ царевна служитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ спуна съ Бабою Ягой
Идетъ, бредеетъ сама собой;
Тамъ царь Кащей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ Руской духъ... шамъ Русью пахнетъ!
И шамъ я быль, и медъ я пиль;
У моря видѣлъ дубъ зеленый;
Подъ нимъ сидѣлъ, и копъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья спаринны глубокой.

Въ полѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владиміръ- солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго спакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ъли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.

Смелися рѣчи въ шумъ невнятный;
 Жужжитъ гостей веселый кругъ;
 Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ;
 Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна:
И славить сладоспинный пѣвецъ
 Людмилу -прелесть и Руслана
И Лелемъ свиной имъ вѣнецъ.

Но, спрасью пылкой упомленный,
 Не ъстѣ, ни пѣтъ Русланъ влюбленный;
 На друга милаго глядитъ,
 Вздыхаетъ, сердится, горитъ
И, щипля усь опть неперпѣнья,
 Щипаетъ каждыя мгновенья.
 Въ уныни, съ пасмурнымъ челомъ,
 За шумнымъ, свадебнымъ споломъ
 Сидятъ при випязя младые;
 Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
 Забыли кубки круговые
И брашиа непріятны имъ;
 Не слышатъ вѣщаго Баяна,
 Попутили смущенный взглядъ:
 То при соперника Руслана;

Въ душѣ несчастныe паяпъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ — Рогдай, воинъ смѣлый,
Мечемъ развинувшій предѣлы
Богатыхъ Кіевскихъ полей;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ непобѣженный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный спраспной думы,
Младой Хазарскій ханъ Рапмиръ:
Всѣ прое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вопь конченъ онъ; вспаюпъ рядами,
Смѣшились шумными штолпами,
И всѣ глядяпъ на молодыхъ:
Невѣспа очи опусцила,
Какъ будто сердцемъ пріуныла,
И свѣтель радоспный женихъ.
Но птѣнь объемлесть всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ опь мёду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ воспоргѣ, въ упоеньѣ:

Ласкаєть онъ въ воображенъѣ
 Спидливой дѣвы красопу;
 Но съ шайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
 Великій князь благословенъемъ
 Даруєть юную четпу.

И вонъ невѣспу молодую
 Ведутъ на брачную постель;
 Огни погасли... и ночную
 Лампаду зажигаетъ Лель.
 Свершились милья надежды,
 Любви гопояпся дары;
 Падутъ ревнивые одежды
 На Цареградскіе ковры...
 Вы слышите ль влюбленный шопотъ
 И поцѣлуевъ сладкій звукъ
 И прерывающійся ропотъ
 Послѣдней робости?... Супругъ
 Восторги чувствуешь заранѣ;
 И вонъ они настали... Вдругъ
 Громъ грянулъ, свѣтъ блеснуль въ туманѣ,
 Лампада гаснѣтъ, дымъ бѣжитъ,
 Кругомъ все смерклось, все дрожитъ,
 И замерла душа въ Русланѣ...

Все смолко. Въ грозной тишинѣ
 Раздался дважды голосъ странной,
 И кло-то въ дымной глубинѣ
 Взвился чернѣе мглы пуманной . . .
 И снова перемъ пустъ и пихъ;
 Вспаепъ испуганный женихъ,
 Съ лица капится попъ оспой;
 Трепеща, хладною рукой
 Онъ вопрошаепъ мракъ нѣмой . . .
 О горе: нѣпъ подруги милой!
 Хвапаепъ воздухъ онъ пустой;
 Людмила нѣпъ во пмъ густой,
 Похищена безвѣспной силой.

Ахъ, если мученикъ любви
 Спрадаепъ спраспью безнадѣжно;
 Хоть грустно жить, друзья мои,
 Однако жить еще возможно.
 Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
 Обняпъ влюбленную подругу,
 Желаній, слезъ, поски предметъ,
 И вдругъ минутную супругу
 Навѣкъ упратили . . . о друзья,
 Конечно лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
 Но чпо сказалъ великий князъ?
 Сраженный вдругъ молвой ужасной,
 На зяпія гнѣвомъ распалясь,
 Его и дворъ онъ созываєтъ:
 « Гдѣ, гдѣ Людмила? » вопрошаєтъ
 Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
 Русланъ не слышитъ. « Дѣши, други!
 « Я помню прежнія заслуги:
 « О, сжалътесь вы надъ спарикомъ!
 « Скажите, кпо изъ васъ согласенъ
 « Скакать за дочерью моей?
 « Чей подвигъ будешъ ненапрасенъ,
 « Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
 « Не могъ сберечь жены своей! —
 « Тому я дамъ ее въ супруги
 « Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
 « Кто жъ вызовется, дѣши, други?...
 — Я! молвилъ гореспный женихъ.
 « Я! я! воскликнули съ Рогдаемъ
 Фарлафъ и радоспный Рапмиръ:
 Сей часъ коней своихъ сѣдлаемъ;
 Мы рады весь изъѣздить міръ.

Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
 Не бойся: ѿдемъ за Княжной. »
 И съ благодарностью нѣмой
 Въ слезахъ къ нимъ проспираетъ руки
 Спарицъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
 Русланъ унынѣмъ какъ убитъ;
 Мысль о потерянной невѣстѣ
 Его терзаетъ и мертвитъ.
 Садягся на коней репивыхъ;
 Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
 Лепятъ въ клубящейся пыли;
 Уже скрываются вдали;
 Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
 Но долго все еще глядятъ
 Великій князь въ пустое поле
 И думой имъ во слѣдъ лепитъ.

Русланъ томился молчаливо,
 И смыслъ и память потерявъ.
 Черезъ плечо глядя спѣсиво
 И важно подбочась, Фарлафъ
 Надувшись ѿхалъ за Русланомъ.

Онъ говорилъ: «насилу я
 «На волю вырвался, друзья!
 «Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
 «Ужъ по-по крови будеТЬ течь,
 «Ужъ по-по жерпвъ любви ревнивой!
 «Повеселись, мой вѣрный мечь,
 «Повеселись, мой конь репивой! »

Хазарскій Ханъ, въ умѣ своѣмъ
 Уже Людмилу обнимая,
 Едва не пляшепть надъ сѣдломъ;
 Въ немъ кровь играепть молодая,
 Огня надежды полонъ взоръ:
 То скачепть онъ во весь опоръ,
 То дразнилъ бѣгуна лихаго,
 Кружинъ, подъемлеТЬ на дыбы,
 Иль дерзко мчишь на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчишь — ни слова . . .
 Спрашась невѣдомой судьбы
 И мучась ревносѣю напрасной,
 Всѣхъ больше беспокоенъ онъ,
 И частпо взоръ его ужасной
 На князя мрачно успремлѣнъ.

Соперники одной дорогой
 Все вмѣстѣ ъдутии цѣлый день.
 Днѣпра спаль племенъ брегъ оплодой;
 Съ воспока льется ночи тѣнь;
 Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
 Пора конямъ ихъ отдохнуть.
 Вонъ подъ горой пупемъ широкимъ
 Широкій пересѣкся путь.
 «Разъѣдемся, пора!» сказали,
 Безвѣспной вѣримся судьбѣ.»
 И каждый конь, не чуя спали,
 По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
 Одинъ въ пустынной птишинѣ?
 Людмилу, свадьбы день ужасный,
 Все, мнился, видѣлъ ты во снѣ.
 На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
 Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
 Ты шагомъ ъдешь межъ полей,
 И медленно въ душѣ твоей
 Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра.

Но вдругъ предъ випяземъ пещера;
 Въ пещерѣ сѣсть. Онъ прямо къ ней
 Идесть подъ дремлюще своды,
 Ровесники самой природы.
 Вошелъ съ уныньемъ: чпо-же зришь?
 Въ пещерѣ спарецъ; ясный видъ,
 Спокойный взоръ, брада сѣдая;
 Лампада передъ нимъ горитъ;
 За древней книгой онъ сидитъ,
 Ее внимательно читая.
 «Добро пожаловать, мой сынъ!»
 Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
 «Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
 Во мракѣ старой жизни вяну;
 Но наконецъ дождался дня,
 Давно предвидѣнаго мною.
 Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
 Садись и выслушай меня.
 Русланъ, лишился ты Людмилы;
 Твой твердый духъ теряетъ силы;
 Но зла промчится быстрый мигъ:
 Навремя рокъ тебя постигъ.
 Съ надеждой, вѣрою веселой
 Иди на все, не унывай;

Впередь! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ: твой оскорбителъ
Волшебникъ спрашный Черноморъ,
Красавицъ давній похитителъ,
Полнотныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обителъ
Не проникалъ донынѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней испребителъ,
Въ нее ты вспучишъ, и злодѣй
Погибнешь отъ руки твоей.
Тебѣ сказать не долженъ болѣ:
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей опынѣ волѣ. »

Нашъ витязь спарцу паль къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣплѣетъ міръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ; и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина . . .
« Ясна тоски твоей причина;
Но грусть не прудно разогнать,

Сказалъ старикъ: тебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной дѣвѣ не спрашна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свиснетъ — задрожитъ луна;
Но пропивъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, препепный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только немощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей.
Вокругъ ия онъ молча бродитъ,
Клянетъ жестокій жребій свой...
Но, добрый випязь, день проходитъ,
А нуженъ для тебя покой.

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнѣмъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Випязь наконецъ:
« Не спицся чпо-то, мой отецъ!
Что дѣлать: боленъ я душою,

И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить.
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопрось.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустынью кто тебя занёсъ? »

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: « любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальнай
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя спадо сель окрестныхъ,
Въ беспечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скаль,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной гишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ

Она гремѣла красотою.
 Однажды упреней порою
 Свои спада на пемный лугъ
 Я гналъ, волынку надувая;
 Передо мной шумѣль попокъ.
 Одна, красавица младая
 На берегу плела вѣнокъ.
 Меня влекла моя судьбина . . .
 Ахъ, випязь, то была Наина!
 Я къ ней — и пламень роковой
 За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
 И я любовь узналъ душой
 Съ ея небесною отрадой,
 Съ ея мучительной приской.

Умчалась года половина;
 Я съ препетомъ опкрылся ей,
 Сказалъ: люблю тебя, Наина.
 Но робкой горести моей
 Наина съ гордостью внимала,
 Лишь прелести свои любя;
 И равнодушно опвѣчала:
 Паспухъ, я не люблю тебя!

И все мнъ дико, мрачно спало:
 Родная куща, пѣнь дубровъ,
 Веселы игры пастуховъ —
 Ничто тоски не упѣшало.
 Въ унынїи сердце сохло, вяло.
 И наконецъ задумалъ я
 Оставить Финскія поля;
 Морей невѣрныя пучины
 Съ дружиной бранской переплыть,
 И бранной славой заслужить
 Вниманье гордое Наины.
 Я вызвалъ смѣыхъ рыбаковъ
 Искать опасностей и злата.
 Впервые тихій край опцовъ
 Услышалъ бранный звукъ булавы
 И шумъ немирныхъ членоковъ.
 Я вдаль уплылъ, надежды полный,
 Съ полпой безспрашныхъ земляковъ;
 Мы десять лѣтъ сиѣга и волны
 Багрили кровью враговъ.
 Молва неслась: цари чужбины
 Спрашивались дерзости моей;
 Ихъ горделивые дружины
 Бѣжали сѣверныхъ мечей.

Мы весело, мы грозно бились,
 Дѣлили дани и дары,
 И съ побѣжденными садились
 За дружелюбные пиры.
 Но сердце, полное Наиной,
 Подъ шумомъ билы и пировъ,
 Томилось пайною кручиной,
 Искало Финскихъ береговъ.
 Пора домой, сказалъ я, други!
 Повѣсимъ праздныя кольчуги
 Подъ сѣнью хижины родной.
 Сказалъ — и весла за шумѣли;
 И, спрахъ оспавя за собой,
 Въ заливъ опчины дорогой
 Мы съ гордой радостью влѣпѣли.

Сбылись давнишнія мечты,
 Сбылись пылкія желанья!
 Минута сладкаго свиданья,
 И для меня блеснула ты!
 Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленной,
 Кораллы, злато и жемчугъ;
 Предъ нею, спрасивши упоенный,

Безмолвнымъ роемъ окруженный
 Ея зависпливыхъ подругъ,
 Спояль я плѣнникомъ послушнымъ;
 Но дѣва скрылась отъ меня,
 Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
 Герой, я не люблю тебѣ!

Къ чему разсказывать, мой сынъ,
 Чего пересказать нѣтъ силы?
 Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
 Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
 Я помню горесть, и порой,
 Какъ о минувшемъ мысль родится,
 По бородѣ моей сѣдой
 Слеза тяжелая капится.

Но слушай: въ родинѣ моей
 Между пустынныхъ рыбарей
 Наука дивная панится.
 Подъ кровомъ вѣчной тишины,
 Среди лѣсовъ, въ глухи далёкой
 Живутъ сѣдые колдуны;
 Къ предметамъ мудрости высокой
 Все мысли ихъ успремлены;

Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
 Чѣпо было и чѣпо будеТЬ вновь,
 И грозной волѣ ихъ подвластны
 И гробъ и самая любовь.

И я, любви искаль жадной,
 Рѣшился въ грустнѣ безопрадной
 Наину чарами привлечь,
 И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
 Любовь волшебствами зажечь.
 Спѣшилъ въ объятія свободы;
 Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
 И шамъ, въ ученьи колдуновъ,
 Провелъ невидимые годы.
 Насталъ давно желанный мигъ,
 И спайну спрашнную природы
 Я свѣплой мыслю поспигъ:
 Узналь я силу заклинаньямъ.
 Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
 Теперь, Наина, ты моя!
 Побѣда наша: думаль я.
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
 Былъ рокъ, упорный мой гонилель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
 Въ воспоргѣ пылкаго желанья,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ — и въ шимъ лѣсной
 Спрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихорь поднялъ вой,
 Земля вздрогнула подъ ногой . . .

И вдругъ сидитъ передомной
 Спарушка дряхлая, сѣдая,
 Глазами впалыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ тряской головой,
 Печальной вепхости карпина.

Ахъ, вимязь, что была Наина! . . .

Я ужаснулся и молчаль,
 Глазами спрашнай призракъ мѣриль,
 Въ сомнѣнии все еще не вѣриль,
 И вдругъ заплакаль, закричаль:

Возможно ль! ахъ, Наина, пы ли!
 Наина, гдѣ твоя краса?
 Скажи, уже ли небеса
 Тебя такъ спрашно измѣнили?

Скажи, давно ль, оспавя свѣпъ,
 Разспался я съ душой и съ милой?
 Давно ли? . . . «Ровно сорокъ лѣтъ,

Былъ дѣвы роковый отвѣтъ:
 Сегодня семдесять мнѣ было.
 Что дѣлать, мнѣ пишишь она,
 Толпою годы пролетѣли,
 Прошла моя, пивая весна —
 Мы оба постарѣли успѣли.
 Но, другъ, послушай: не бѣда
 Невѣрной младоспѣи утраты.
 Конечно, я теперь сѣда,
 Немножко, можетъ быть, горбата;
 Не то, что вспарину была,
 Не такъ жива, не такъ мила;
 За то (прибавила болтунья),
 Открою тайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
 Нѣмой, недвижный передъ нею,
 Я совершенный былъ дуракъ
 Со всей премудростью моей.

Но вотъ ужасно: колдовство
 Вполнѣ свершилось по несчастью.
 Мое сѣдое божество
 Ко мнѣ лыпало новой спрасью.

Скрививъ улыбкой спрашный ропъ,
 Могильнымъ голосомъ уродъ,
 Бормочетъ мнѣ любви признанье.
 Вообрази мое спраданье!
 Я препеталъ, попутя взоръ;
 Она сквозь кашель продолжала
 Тяжелый, спраспный разговоръ:
 « Такъ, сердце я теперъ узнала;
 Я вижу, вѣрный другъ, оно
 Для нѣжной спрасши рождено;
 Проснулись чувства, я стараю,
 Томлюсь желаньями любви . . .
 Приди въ объятія мои . . .
 О милый, милый! умираю . . . »

И между пѣмъ она, Русланъ,
 Мигала темными глазами;
 И между пѣмъ за мой кафтанъ
 Держалась пощими руками;
 И между пѣмъ — я обмираль,
 Опь ужаса, зажмуря очи;
 И вдругъ терпѣть не спало мочи;
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.

Она во слѣдъ: «о недостойный!
 Ты возмущилъ мой вѣкъ спокойный,
 Невинной дѣвы ясны дни!
 Добился ты любви Наины,
 И презираешь — вонъ мушкины!
 Измѣной дышупть всѣ они!
 Увы, сама себя вини;
 Онъ обольстилъ меня, несчастной!
 Я отдалась любви спрасной . . .
 Измѣнникъ, извергъ! о позоръ!
 Но трепещи, дивичій воръ! »

Такъ мы разспались. Съ этихъ поръ
 Живу въ моемъ уединенъѣ
 Съ разочарованной душой;
 И въ мірѣ спарцу упѣщенье
 Природа, мудрость и покой.
 Уже зоветъ меня могила;
 Но чувствва прежнія свои
 Еще спарушка не забыла,
 И пламя поздное любви
 Съ досады въ злобу превратила.
 Душою черной зло любя,
 Колдуња спарай конечно

Возненавидитъ и тебя;
Но горе на землѣ не вѣчно. »

Нашъ випязъ съ жадностью внималь
Разсказы спарца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не сыхалъ.
Но день блиспаєтъ лучезарный . . .
Со вздохомъ випязъ благодарный
Объемлесть спарца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ воинъ. Ногами списнуль
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвиснуль.
« Отецъ мой, не оставь меня. »
И скакесть по пустпому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричишъ во слѣдъ: « счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ спарца не забудь! »

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ браны,
Не знайще мира межъ собой;
Несище мрачной славѣ дани,
И упивайтесь враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣетъ,
Дивяся грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,
Страрайтесь не смѣшишь народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранитесь — только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно!
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Топть будеши миль на зло вселенной;
Сердитесь глупо и грѣшно.

Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
 Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
 Вскочилъ въ сѣдо, и безъ оглядки
 Лепиши — а шопть за нимъ во слѣдъ.
 « Оспановись, бѣглецъ безчестный! »
 Кричиши Фарлафу неизвѣстный.
 « Презрѣнныи, дай себя догнать!
 Дай голову съ пеbя сорвать! »
 Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
 Со спраха скорчась, обмираль,
 И, вѣрной смерти ожидая,
 Коня еще быстрѣе гналь.
 Такъ точно заяцъ торопливой,
 Прижавши уши боязливо,
 По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
 Скачками мчি�лся опо пса.
 На мѣстѣ славнаго побѣга
 Весной расплодленнаго снѣга
 Попоки мутные текли
 И рыли влажну грудь земли.
 Ко рву примчался конь репивой,
 Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
 Бразды стальнойя закусиль
 И черезъ ровъ перескочилъ;

Когда Рогдай неукропимый,
 Глухимъ предчувствіемъ шомимый,
 Оставилъ спутниковъ своихъ,
 Пустился въ край уединенный
И вхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
 Въ глубоку думу погруженный —
 Злой духъ превожилъ и смущалъ
 Его тоскующую душу,
И випязъ пасмурный шепталъ:
 « Убью!.. преграды всѣ разрушу...
 Русланъ!.. узнаешьъ ты меня...
 Теперь-то девица поплачеть... »
И вдругъ, поворопивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скочеши.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
 Все утро сладко продремавъ,
 Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединѣ,
 Для подкрепленья силь душевыхъ,
 Обѣдалъ въ мирной птичинѣ.
 Какъ вдругъ, онъ видитъ: кто-то въ полѣ,
 Какъ буря, мчился на конѣ;
И, времени не пратя болѣ,

Но робкій всадникъ вверхъ ногами
 Свалился тяжко въ грязный ровъ,
 Земли не взвидѣлъ съ небесами,
 И смерть принялъ ужъ быль гоповъ.
 Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
 Жестокій мечъ ужъ занесёнъ;
 Погибни, прусъ! умри! вѣщаешь . . .
 Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
 Глядитъ, и руки опусклились;
 Досада, изумленье, гнѣвъ
 Въ его черпахъ изобразились;
 Скрыя зубами, онѣмѣвъ,
 Герой, съ поникшою главою
 Скорѣй опѣхавъ ото рва,
 Бѣсился . . . но едва, едва
 Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ вспрѣшилъ подъ горой
 Спарушечку чупь-чупь живую,
 Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
 Она дорожною клокой
 Ему на сѣверъ указала.
 Ты шамъ найдешь его, сказала.

Рогдай весельемъ закипѣль
И къ вѣрной смерти полепѣль.

А нашъ Фарлафъ? Во рву оспался,
Дохнупъ не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Спарухи голосъ гробовой:
« Вспань, молодецъ; все тихо въ полѣ;
« Ты никого не вспрѣшишь болѣ;
« Я привела тебѣ коня;
« Вспавай, послушайся меня. »

Смущенный випязъ по неволѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озиная,
Вздохнуль и молвиль оживая:
« Ну, слава Богу, я здоровъ! »

« Повѣрь! спаруха продолжала:
« Людмилу мудрено сыскать;
« Она далеко забѣжала;
« Не намъ съ тобой ее доспать.

« Опасно разъезжать по свѣту;
 « Ты, право, будешь самъ не радъ.
 « Послѣдуй моему совѣту,
 « Ступай тихохонько назадъ.
 « Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
 « Въ своеемъ наслѣдственномъ селеньѣ
 « Оспанься лучше безъ заботъ:
 « Отъ насъ Людмила не уйдѣтъ. »

Сказавъ, изчезла. Въ неперѣньѣ
 Благоразумный нашъ герой
 Топгасъ отправился домой,
 Сердечно позабывъ о славѣ
 И даже о княжнѣ младой;
 И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
 Полетъ синицы, ропотъ водъ
 Его бросали въ жаръ и въ попѣ.

Межъ шѣмъ Русланъ далеко мчился;
 Въ глухи лѣсовъ, въ глухи полей
 Привычной думою спремися
 Къ Людмилѣ, радости своей,
 И говорилъ: « найду ли друга?
 « Гдѣ ты, душа моей супруга?

« Увижу ль я твой свѣплый взоръ?
 « Услышу ль иѣжный разговоръ?
 « Иль суждено, чтобъ чародѣя
 « Ты вѣчной плѣнницей была,
 « И, скорбной дѣвою спарѣя,
 « Въ тщемницѣ мрачной опицѣла?
 « Или соперникъ дерзновенный
 « Придетъ? . . . Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнныи:
 « Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
 « Еще глава не пала съ плечь. »

Однажды, тщемною порою,
 По камнямъ берегомъ крупымъ
 Нашъ витязь Ѣхалъ надъ рѣкою.
 Все утихало. Вдругъ заnimъ
 Спрѣлы мгновенное жужжанье,
 Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
 И шопотъ по полю глухой.
 Стой! грянулъ голосъ громовой.
 Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
 Поднявъ копье, лепили со свистомъ
 Свирѣпый всадникъ, и грозой
 Помчался князь ему на встрѣчу.
 « Ага! догналъ тебя! поспой! »
 Кричали наѣздникъ удалой:

«Готовься, другъ, на смерпну съчу;
 «Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
 «А тамъ ищи своихъ невѣспъ.»
 Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ опять гнѣва;
 Онъ узнаетъ сей буйный гласъ ...

Друзья мои! а наша дѣва?
 Оспавимъ випязей на часъ;
 О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
 А что давно пора бы мнѣ
 Подумать о младой княжнѣ
 И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
 Наперсникъ иногда нескромной,
 Я рассказалъ, какъ ночью шѣмной
 Людмилы нѣжной красопы
 Опять воспаленного Руслана
 Сокрылись вдругъ среди шумана.
 Несчастная! когда злодѣй,
 Рукою мощною своей
 Тебя сорвавъ съ постели брачной,
 Взвился, какъ вихорь, къ облакамъ
 Сквозь пыжкий дымъ и воздухъ мрачной,

И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
 Ты чувствѣ и памяти лишилась
 И въ страшномъ замкѣ колдуна
 Безмолвна, препепна, блѣдна,
 Въ одно мгновеніе очупилась.

Съ порога хижины моей
 Такъ видѣлъ я, средь лѣпнинъ дней,
 Когда за курицей прусливой
 Султанъ куряпника спѣсивой,
 Пѣпухъ мой по двору бѣжалъ
 И сладоспрастными крылами
 Уже подругу обнималъ;
 Надъ ними хипрыми кругами
 Цыплять селеня спарый воръ,
 Пріявъ губипельныя мѣры,
 Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
 И паль какъ молния на дворъ.
 Взвился, лепитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
 Во шму разсѣлинъ безопасныхъ
 Уносить бѣдную злодѣй.
 Напрасно, горестью своей
 И хладнымъ спрахомъ пораженный,
 Зоветъ любовницу пѣпухъ . . .

Онъ видитъ лишь лепучій пухъ,
Лепучимъ вѣномъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, пягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто спрашнымъ сновидѣньемъ,
Объяла — иаконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненiemъ
И смущнымъ ужасомъ полна;
Душой лепитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоенiemъ;
Гдѣ жъ, милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
Зоветъ и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнью вокругъ.
Людмила, гдѣ пвоя свѣтица?
Лежитъ несчастная девица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнию балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кисляхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду шкани парчевые;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златые
Подъемлютъ ароматный паръ;

Довольно . . . благо мнѣ не нада
 Описывать волшебный домъ:
 Уже давно Шехеразада
 Меня предупредила въ помъ.
 Но свѣтлый теремъ не отрада,
 Когда не видимъ друга въ нёмъ.

Три дѣвы, красоты чудесной,
 Въ одеждѣ легкой и прелестной
 Княжнѣ явились, подошли,
 И поклонились до земли.
 Тогда неслышными шагами
 Одна поближе подошла;
 Княжнѣ воздушными перстами
 Златую косу заплела
 Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
 И обвила вѣщомъ перловымъ
 Окружность блѣднаго чела.
 За нею, скромно взоръ склоняя,
 Попомъ приблизилась другая;
 Лазурный, пышный сарафанъ
 Одѣль Людмилы спройный спанъ;
 Покрылись кудри золотыя,
 И грудь, и плечи молодыя

Фатой, прозрачной, какъ пуманъ.
 Покровъ зависливый лобзаетъ
 Красы, доспойныя небесь,
 И обувь легкая сжимаетъ
 Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
 Княжнѣ послѣдняя дѣвица
 Жемчужный поясъ подаепть.
 Межъ пѣмъ незримая пѣвица
 Веселы пѣсни ей поепть.
 Увы, ни камни ожерелья,
 Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
 Ни пѣсни леспи и веселья
 Ея души не веселятъ;
 Напрасно зеркало рисуетъ
 Ея красы, ея нарядъ;
 Попутя неподвижный взглядъ,
 Она молчитъ, она плоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
 На племномъ сердца днѣ чипали,
 Конечно знаютъ про себя,
 Что если женщина въ печали
 Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,
 На зло привычкѣ и разсудку,

Забудетъ въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, чи то начать, она
Къ окну решетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ прозрачнѣй пасмурной дали.
Все меркво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоятъ угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ,
И дремлютъ въ вѣчной птичинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно пупника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ опечаленная, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.

Увы, что ждепъ ее теперь!
 Бѣжитъ въ серебряную дверь;
 Она съ музыкой опворилась,
 И наша дѣва очупилась
 Въ саду. Плѣнительный предѣль:
 Прекраснѣе садовъ Армиды
 И пгѣхъ, копорыми владѣль
 Царь Соломонъ, иль князь Тавриды.
 Предъ нею зыблюпся, шумяпъ
 Великолѣпныя дубровы,
 Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
 И благовонныхъ миртовъ рядъ,
 И кедровъ гордыя вершины,
 И золотыя апельсины
 Зерцаломъ водъ отражены;
 Пригорки, рощи и долины
 Весны огнемъ оживлены;
 Съ прохладой въепся вѣтеръ майскій
 Средь очарованныхъ полей,
 И свищепъ соловей Кипрайскій
 Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
 Лепляпъ алмазные фонтаны
 Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
 Подъ ними блещупъ испуканы,

И, минясь, живы; Фидий самъ,
 Питомець Феба и Паллады,
 Любаясь ими, наконецъ
 Свой очарованной рѣзецъ
 Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
 Дробясь о мраморны преграды,
 Жемчужной, огненной дугой
 Валится, плещутъ водопады;
 И ручейки въ тѣни лѣсной
 Чуть вьюются сонною волной.
 Пріютъ покоя и прохлады,
 Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
 Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
 Повсюду розъ живыя вѣнки
 Цвѣтутъ и дышутъ по пропамъ.
 Но безупрѣшная Людмила
 Идетъ, идеетъ и не глядитъ;
 Волшебства роскошь ей постыла,
 Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ;
 Куда, сама не зная, бродитъ,
 Волшебный садъ кругомъ обходитъ,
 Свободу горькимъ давъ слезамъ,
 И взоры мрачные возводитъ
 Къ неумолимымъ небесамъ.

Вдругъ освѣпился взоръ прекрасный;
 Къ успамъ она прижала перспъ;
 Казалось, умыселъ ужасный
 Раждался... Спрашный пупъ отверстъ:
 Высокій моспикъ надъ попокомъ
 Предъ ней висипъ на двухъ скалахъ;
 Въ уныни тяжкомъ и глубокомъ
 Она подходипъ — и въ слезахъ
 На воды шумныя взглянула ,
 Ударила, рыдая, въ грудь ,
 Въ волнахъ рѣшилась упонуть —
 Однако въ воды не прыгнула
 И далѣ продолжала пупъ.

Моя прекрасная Людмила ,
 По солнцу бѣгая съ упра ,
 Успала, слёзы осушила ,
 Въ душѣ подумала: пора!
 Направку сѣла, оглянулась —
 И вдругъ надъ нею сѣнъ шатра ,
 Шумя, съ прохладой развернулась ;
 Обѣдъ роскошный передъ ней ;
 Приборъ изъ яркаго кристалла ;
 И въ пишинѣ изъ-за вѣзвей
 Незрима арфа заиграла.

Дивится плѣнная княжна,
 Но впайнѣ думаєтъ она:
 « Вдали опь мілаго, въ неволѣ,
 Зачѣмъ мнѣ житъ на свѣтѣ болѣ?
 О ты, чья гибельная спрасить
 Меня терзаетъ и лелѣтъ,
 Мнѣ не спрашна злодѣя власть:
 Людмила умереть умѣстъ!
 Не нужно мнѣ твоихъ щапровъ,
 Ни скучныхъ пѣсень, ни шировъ —
 Не спану фсль, не буду слушать,
 Умру среди твоихъ садовъ! »
 Подумала — и спала кущать.

Княжна вспаетъ, и вмигъ шапёръ,
 И пышной роскоши приборъ,
 И звуки арфы... все пропало;
 Попрежнему все тихо спало;
 Людмила вновь одна въ садахъ
 Скипаетъ изъ рощи въ рощи;
 Межъ пѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
 Плыветъ луна, царица нощи,
 Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
 И тихо на холмахъ почила;

*

Княжну невольно клонитъ сонъ,
 И вдругъ не вѣдомая сила
 Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
 Ее на воздухъ поднимаетъ,
 Несетъ по воздуху въ черпогъ,
 И осторожно опускаетъ
 Сквозь ѳиміамъ вечернихъ розъ
 На ложе грустни, ложе слёзъ.
 Три дѣвы вмигъ опять явились
 И вокругъ нея засуетились,
 Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
 Но ихъ унылый, смутный взоръ
 И принужденное молчанье
 Являли въ тайнѣ состраданье
 И немощный судьбамъ укоръ.
 Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
 Раздѣла сонная княжна;
 Прелестна прелестью небрежной,
 Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
 Ложилася почивать она.
 Со вздохомъ дѣвы поклонились,
 Скорѣй какъ можно удалились,
 И тихо припворили дверь.
 Что жъ наша плѣнница теперь!

Дрожитъ какъ листъ, дохнупь несмѣешъ;
 Хладѣютъ перси, взоръ шемнѣешъ;
 Мгновенный сонъ опть глазъ бѣжитъ;
 Не спитъ, удвоила вниманье,
 Недвижно въ шемноту глядитъ . . .
 Все мрачно, мертвое молчанье!
 Лишь сердца слышитъ препетанье . . .
 И мнится . . . шепчетъ птичина;
 Идутъ — идутъ къ ея постель;
 Въ подушки прячетъся княжна —
 И вдругъ . . . о спрахъ! . . . и въ самомъ дѣлѣ
 Раздался шумъ; озарена
 Мгновеннымъ блескомъ птица ночная,
 Мгновенно дверь отворена;
 Безмолвно, гордо выступая,
 Нагими саблями сверкая,
 Араповъ длинный рядъ идетъ
 Попарно, чинно, сколь возможно,
 И на подушкахъ осторожно
 Сѣдуя бороду несетъ;
 И входить съ важноспью за нею,
 Подъявъ величественно шею,
 Горбатый карликъ изъ дверей:
 Его-то головѣ обрипой,

Высокимъ колпакомъ покрытой
 Принадлежала борода.
 Ужъ онъ приблизился: тогда
 Княжна съ постели соскочила,
 Сѣдаго карлу за колпакъ
 Рукою быстрой ухватила,
 Дрожающій занесла кулакъ,
 И въ спрахѣ завизжала шакъ,
 Чѣмъ всѣхъ Араповъ оглушила.
 Трепеща, скорчился бѣднякъ,
 Княжны испуганной блѣднѣе;
 Зажавши уши поскорѣе,
 Хопѣль бѣжалъ, но въ бородѣ
 Запутался, упалъ и бѣглся;
 Вспаепъ, упалъ; въ шакой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мирился;
 Шумяпъ, толкаютъ, бѣгутъ,
 Хватаютъ колдуна въ охапку,
 И вонъ распупываютъ несущъ,
 Оставя у Людмилы шапку.

Но чѣмъ-то добрый витязь нашъ?
 Вы помните ль неждану встрѣчу?
 Бери свой быстрый карандашъ,

Рисуй, Орловский, ночь и съчу!
 При свѣтѣ препепномъ луны,
 Сразились виплязи жеспоко;
 Сердца ихъ гнѣвомъ спѣснены,
 Ужъ копья брошены далѣко,
 Уже мечи раздроблены,
 Кольчуги кровію покрыты,
 Щиты прещатъ, въ куски разбиты . . .
 Они схватились на коняхъ;
 Взрывая къ небу черный прахъ,
 Подъ ними борзы кони бьются;
 Борцы, недвижно сплетены,
 Другъ друга списнувъ, оспаются;
 Какъ бы къ сѣду пригвождены;
 Ихъ члены злобой сведены;
 Переплелись и костенѣютъ;
 По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ;
 На вражьей груди грудь дрожитъ —
 И вонъ колеблются, слабѣютъ —
 Кому-то паспъ . . . вдругъ виплязъ мой,
 Вскрѣвъ, желѣзною рукой
 Съ сѣда наѣздника срываєтъ,
 Подъемлетъ, держитъ надъ собой
 И въ волны съ берега бросаетъ.

Погибни! грозно восклицаетъ;
Умри, зависникъ злобный мой!

Ты догадался, мой чипапель,
Съ кѣмъ бился доблестныи Русланъ:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда Кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ, но прежня сила
Пипомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удаецъ
Въ пустынѣ свой нашелъ конецъ.
И съзнато было, что Рогдая
Тѣхъ водъ Русалка молодая
На хладны перси приняла,
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла,
И долго послѣ, ночью пѣмной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромной
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТИЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Спихи мои! Вы не скрылись
Опь гнѣвныхъ зависни очей.
Ужъ блѣдный крипникъ, ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тупъ злобу черную печать!
Скажи, Зоилъ, скажи, предатель,
Ну какъ и что мнѣ отвѣтить?
Краснѣй, несчастнѣй, Богъ съ тобою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кропоски молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь пламные глаза
Ты, жерпва скучнаго Гимена...

Я вижу: пытная слеза
Паденья на спихъ мой, сердцу внеппный;
Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
Вздохнула, молча... вздохъ понятный!
Ревнивецъ: бойся, близокъ часъ;
Амуръ съ Досадой своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Головъ ужъ мспипельный уборъ.

Ужъ упро хладное сяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
Безъ шапки въ упренемъ халапѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати.
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы плопились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Разчесывалъ ея извины;
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
На бесконечные усы
Лились вос точны аромапы,
И кудри хитрые вились;

Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
 Въ окно влетпаетъ змій крылатый:
 Гремя желѣзной чешуей,
 Онъ въ кольца быстрыя согнулся,
 И вдругъ Наиной обернулся
 Предъ изумленною толпой.
 « Привѣтствую тебѧ, сказала,
 Собратъ, издавна чтимой мной!
 Досель я Черномора знала
 Одною громкою молвой;
 Но тайный рокъ соединяетъ
 Теперь насъ общею враждой;
 Тебѣ опасность угрожаетъ,
 Нависла туча надъ тобой;
 И голость оскорблennой чести
 Меня къ опмщенію зоветъ. »

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
 Ей карла руку подаетъ,
 Вѣщая: « дивная Наина!
 Миѣ драгоцѣнѣнъ пвой союзъ.
 Мы посрамимъ коварство Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Пропливникъ слабый миѣ не спрашень;

Узнай чудесный жребий мой:
 Сей благодатной бородой
 Недаромъ Черноморъ украшень.
 Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубитъ,
 Никто изъ випязей лихихъ,
 Никто изъ смертныхъ не погубитъ
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будеТЬ вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обречёнъ! »
И мрачно вѣдьма повторила:
 « Погибнепъ онъ! погибнепъ онъ! »
 Потомъ при раза прошипѣла;
 Три раза топнула ногой,
И чернымъ зміемъ улепѣла.

Блистаѧ въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренной,
 Развеселясь; рѣшился вновь
 Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ карликъ бородатый,
 Опять идетъ въ ея палаты;
 Проходитъ длинный комната рядъ:

Княжны въ нихъ нѣть. Онъ далъ въ садъ,
 Въ лавровый лѣсь, къ рѣшеткѣ сада,
 Вдоль озера, вокругъ водопада,
 Подъ моспики, въ бесѣдки . . . нѣть!
 Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
 Кто выразитъ его смущенье,
 И ревъ, и препеть изступленья!
 Съ досады дня не ввидѣлъ онъ.
 Раздался карлы дикій стонъ:
 « Сюда, невольники, бѣгите!
 Сюда, надѣюсь я на васъ!
 Сей часъ Людмилу мнѣ ссыпите!
 Скорѣе, ссыпите ль? сей часъ!
 Не то — шупите вы со мною —
 Всѣхъ удавлю васъ бородою! »

Чипапель, разскажу ль тебѣ
 Куда красавица дѣвалась!
 Всю ночь она своей судѣбѣ
 Въ слезахъ дивилась и — смеялась.
 Ее пугала борода,
 Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
 И былъ смѣшонъ, а никогда
 Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.

Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
 Постель оставила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
 Невольно кудри золотые
 Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
 Невольно волосы густые
 Рукой небрежной заплела;
 Свои вчерашніе наряды
 Нечаянно въ углу нашла;
 Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
 Тихонько плакать начала;
 Однако съ вѣрнаго спекла
 Вздыхая не сводила взора,
 И дѣвицѣ пришло на умъ,
 Въ волненъи своенравныхъ думъ,
 Примѣрять шапку Черномора.
 Все тихо, никого здѣсь нѣть;
 Никто на дѣвушку не взглянетъ . . .
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
 Какая шапка не приспаниетъ!
 Рядицься никогда не лѣнь!
 Людмила шапкой заверпѣла;
 На брови, прямо, на бекренъ,

И задомъ напередъ надѣла.
 И чпо жъ? о чудо спарыхъ дней!
 Людмила въ зеркалѣ пропала;
 Перевернула — передъ ней
 Людмила прежняя предстала;
 Назадъ надѣла — снова нѣпъ;
 Сняла — и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
 Добро, колдунъ, добро мой свѣпъ!
 Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;
 Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
 И шапку спараго злодѣя
 Княжна, отъ радосши краснѣя,
 Надѣла задомъ наперѣдъ.

Но возвратимся же къ герою.
 Не спыдно ль заниматься намъ
 Такъ долго шапкой, бородою,
 Руслана поручи судьбамъ?
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокій,
 Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
 Предъ нимъ открылся долъ широкій,
 При блескѣ упреннихъ небесъ.
 Трепещеніе випязъ по неволѣ:
 Онъ видитъ старой бывы поле.

Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
 Желѣюпъ кости; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, лапы;
 Гдѣ зброя, гдѣ заржавый щипъ;
 Въ kostяхъ руки здѣсь мечь лежитъ;
 Травой обросъ шамъ шлемъ косматый
 И старый черепъ плѣетъ въ немъ;
 Богатыря шамъ оставилъ цѣлый
 Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежитъ не движный; копья, стрѣлы
 Въ сырую землю воинены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваетъ . . .
 Ничто безмолвной тишины
 Пустыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ випяль вкругъ себя
 Взираетъ грустными очами.
 « О поле, поле, кто тебѣ
 Усѣялъ мертвыми kostями?
 Чей борзый конь тебѣ тронпалъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ со славой палъ?

Чьи небо слышало молитвы;
 За чём же, поле, смолкло ты
 И поросло правой забвенья? . . .
 Временъ отъ вѣчной племноты,
 Быть можетъ, нѣть и мнѣ спасенья!
 Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 Поспавшъ тихій гробъ Руслановъ,
 И спруны громкія Баяновъ
 Не будутъ говорить о нёмъ! »

Но вскорѣ вспомнилъ випязъ мой,
 Что добрый мечъ герою нуженъ
 И даже панцырь; а герой
 Съ послѣдней битвы безоруженъ.
 Обходишь поле онъ вокругъ;
 Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
 Въ громадѣ пльющихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
 Себѣ доспѣховъ ищешь онъ.
 Проснулись гулъ и степь нѣмая,
 Поднялся въ полѣ прескъ и звонъ;
 Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
 Нашелъ и шлемъ и звонкій рогъ;
 Но лишь меча сыскать не могъ.

*

Долину браны объезжая,
 Онъ видитъ множество мечей,
 Но все легки, да слишкомъ малы,
 А князь красавецъ былъ не вялый,
 Не то, чпо витязь нашихъ дней.
 Чтобъ чемъ нибудь играть опь скуки,
 Копье спальное взяль онъ въ руки,
 Кольчугу онъ надѣль на грудь,
 И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣль закапъ румянай
 Надъ усыпленою землѣй;
 Дымятся синія шуманы
 И всходитъ мѣсяцъ золотой;
 Померкла степь. Тропою тѣмной
 Задумчивъ Ѳдепъ нашъ Русланъ,
 И видитъ: сквозь ночной шуманъ
 Вдали чернѣетъ холмъ огромной
 И чпо-то спрашное храпитъ.
 Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ:
 Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
 Русланъ внимаетъ и глядитъ
 Безпрепепно, съ покойнымъ духомъ;
 Но, шевеля пугливымъ ухомъ,

Конь упирается, дрожитъ,
 Трясепть упрямой головою,
 И грива дыбомъ поднялась.
 Вдругъ холмъ, безоблачной луною
 Въ туманѣ блѣдно озаряясь,
 Яснѣе; смотришь храбрый князь —
 И чудо видишь предъ собою.
 Найду ли краски и слова?
 Предъ нимъ живая голова.
 Огромны очи сномъ объяты;
 Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
 И перья въ тьмной высотѣ,
 Какъ пѣни, ходяшь, развѣвались.
 Въ своей ужасной красотѣ
 Надъ мрачной степью возвышаясь,
 Безмолвіемъ окружена,
 Пустыни спорожь безымянной,
 Руслану предстоитъ она
 Громадой грозной и туманной.
 Въ недоумѣни хочешь онъ
 Таинственны разрушить сонъ.
 Вблизи осматривая диво,
 Обѣхалъ голову кругомъ,
 И спалъ предъ носомъ молчаливо;

Щекопипъ ноздри копіёмъ,
 И , смориась, голова з'внула ,
 Глаза опкрыла и чихнула ...
 Поднялся вихорь , степь дрогнула ,
 Взвилася пыль ; съ рѣсницъ , съ усовъ ,
 Съ бровей слепѣла спая совъ ,
 Проснулись роцн молчаливы ,
 Чихнуло эхо — конь репивый
 Заржалъ , запрыгалъ , отлепѣль ,
 Едва самъ випязь усидѣль ,
 И вслѣдъ раздался голось шумный :
 « Куда ты , випязь неразумный ?
 Ступай назадъ , я не шучу !
 Какъ разъ нахала проглочу ! »
 Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся ,
 Браздами удержалъ коня ,
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся .
 « Чего ты хочешь опѣ меня ?
 Нахмурясь , голова вскричала .
 « Вонъ гостя мнѣ судьба послала !
 « Послушай , убирайся прочь !
 « Я спать хочу , теперь ужъ ночь ,
 « Процай ! » Но випязь знаменилпой ,
 Услыша грубыя слова ,

Воскликнулъ съ важностью сердитой:
 — Молчи, пустая голова!
 Слыхалъ я испину бывало:
 Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
 Я ъду, ъду, не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу! —

Тогда, опь яростніи нѣмѣя,
 Спѣснѣнной злобой пламенѣя,
 Надулась голова; какъ жаръ,
 Кровавы очи засверкали;
 Напѣнясь, губы задрожали,
 Изъ успѣ, ушай поднялся паръ —
 И вдругъ она, чпо было мочи,
 Навспрѣчу князю спала душь;
 Напрасно конь, зажмуря очи,
 Склонивъ главу, напужа грудь,
 Сквозь вихоръ, дождь и сумракъ ночи
 Невѣрный продолжаетъ пупъ;
 Объятый спрахомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчишися вновь, изнеможенный,
 Далече въ полѣ отдохнуть.
 Вновь обратились випязь хотеть —
 Вновь отражень, надежды нѣть!

А голова ему вослѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
 Гремитъ: « ай, випязь! ай, герой
 « Куда ты? пише, пише, стой!
 « Эй, випязь, шею сломишь даромъ;
 « Не трусь, наездникъ, и меня
 « Порадуй хоть однимъ ударомъ,
 « Пока не заморилъ коня. »
 И между пѣмъ она героя
 Дразнила спрашнымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
 Грозитъ ей молча копіемъ,
 Трясетъ его рукой свободной,
 И, задрожавъ, булавъ холодной
 Вонзился въ дерзостный языкъ.
 И кровь изъ бѣщенаго зѣва
 Рѣкою побѣжала вмигъ.
 Опѣ удивленья, боли, гнѣва,
 Въ минуту дерзости лишиась,
 На князя голова глядѣла,
 Желѣзо грызла и блѣднѣла.
 Въ спокойномъ духѣ горячась,
 Такъ иногда средь нашей сцены
 Плохой пипомецъ Мельпомены,

Внезапнымъ свистомъ оглушёнъ,
 Ужъ ничего не видитъ онъ,
 Блѣдишеть, ролю забываешь,
 Дрожитъ, поникнувъ головой,
 И заикаясь умолкаешь
 Передъ насмѣшиловой полой.
 Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
 Къ обоятой головѣ смущенъемъ,
 Какъ ястребъ, богатырь лепитъ
 Съ подъятой, грозною десницей,
 И въ щеку пяжкой рукавицей
 Съ размаха голову разипъ;
 И спелъ ударомъ огласилась;
 Кругомъ росистая права
 Кровавой пѣной обагрилась,
 И, зашатавшись, голова
 Перевернулась, покапилась,
 И шлемъ чугунный заспучалъ.
 Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
 Мечъ богатырскій засверкалъ.
 Нашъ випязь въ препестѣ веселомъ
 Его схватилъ, и къ головѣ
 По окровавленной правѣ
 Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ
 Ей нось и уши обрубить;

Уже Русланъ головъ разиpъ,
 Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
 Вдругъ, изумленный, внемлеpъ онъ
 Главы молящей жалкій спонъ . . .
 И птичо мечъ онъ опускаетъ,
 Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
 И мщеніе бурное падетъ
 Въ душѣ, моленъемъ усмиренной:
 Такъ на долинѣ плаетъ ледъ,
 Лучемъ полудня пораженной.

« Ты вразумилъ меня, герой,
 Со вздохомъ голова сказала:
 Твоя десница доказала,
 Что я виновенъ предъ тобой;
 Опинѣнъ я тебѣ послушенъ;
 Но, випязъ, будь великодушенъ!
 Доспоинъ плача жребій мой.
 И я былъ випязъ удалой!
 Въ кровавыхъ битвахъ супостата
 Себѣ я равнаго не зрель;
 Счастливъ, когда бы не имѣлъ
 Соперникомъ меньшаго братца!
 Коварный, злобный Черноморъ,

Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карлой, съ бородою,
 Мой дивный роспѣ опть юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣть,
 И спалъ за то въ душѣ своей
 Меня, жестокій, ненавидѣть.
 Я былъ всегда немнога проспѣ,
 Хотя высокъ; а сей несчастной,
 Имѣя самый глупый роспѣ,
 Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
 Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
 Въ его чудесной бородѣ
 Таинствѣ сила роковая,
 И, все на свѣтѣ презирая —
 Доколѣ борода цѣла —
 Измѣнникъ не спрашивается зла.
 Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
 Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
 Не опкажись опть важной службы:
 Я въ черныхъ книгахъ опыскаль,
 Что за воспочными горами
 На птихихъ моря берегахъ,
 Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками

Хранился мечь — и что же? спрахъ!
 Я разобралъ во тмъ волшебной,
 Что волею судьбы враждебной
 Сей мечь извѣстенъ будесть намъ;
 Что нась онъ обоихъ погубицъ:
 Миѣ бороду мою отрубицъ,
 Тебѣ главу; суди же самъ,
 Сколь важно намъ пріобрѣтенье
 Сего созданья злыхъ духовъ!
 « Ну, что же? гдѣ шупль запрудиенъе
 Сказалъ я карлъ, я гоповъ;
 Иду, хопъ за предѣлы свѣта. »
 И сосну на плечо взвалицъ,
 А на другое для совѣта
 Злодѣя братца посадилъ;
 Пуспился въ дальнюю дорогу,
 Шагаль, шагаль и, слава Богу,
 Какъ бы пророчеству на зло,
 Все счастливо сначала шло.
 За опдалеными горами
 Нашли мы роковой подвалъ;
 Я размешалъ его руками,
 И попасенный мечь доспалъ.
 Но нѣцъ! судьба штого хопѣла:

Межъ нами ссора закипѣла —
 И было, признаюсь, о чемъ!
 Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
 Бралились долго; наконецъ
 Уловку выдумалъ хипрецъ,
 Притихъ и будто бы смягчился.
 — Оспавимъ безполезный споръ,
 Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
 Мы пѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
 Разсудокъ въ мирѣ жить велиить;
 Судьбѣ рѣшиить мы предоспавимъ,
 Кому сей мечъ принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
 (Чего не выдумасъ злоба!),
И кто услышитъ первый звонъ
 Топтъ и владѣй мечемъ до гроба. —
 Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я сдуру шакже распянулся;
 Ложу, не слышу ничего,
 Смѣкая: обману его!
 Но самъ жестоко обманулся.
 Злодѣй въ глубокой пинѣ,
 Привспавъ, на цыпочкахъ ко мнѣ

Подкрался сзади , размахнулся ;
 Какъ вихорь свиснулъ острый мечъ ,
 И прежде , чѣмъ я оглянулся ,
 Ужъ голова слепѣла съ плечь —
 И сверхъестественная сила
 Въ ней жизни духъ остановила .
 Мой оспавъ терниемъ обросъ ;
 Вдали , въ спранѣ , людьми забвенної ,
 Исплѣль мой прахъ непогребеної ;
 Но злобный карла перенёсъ
 Меня въ сей край уединенноЯ ,
 Гдѣ вѣчно долженъ быль спречь
 Тобой сегодня взяптыи мечъ .
 Возми его , и Богъ съ тобою !
 Быть можетъ , на своемъ пупи
 Ты карла - чародѣя вспрѣпиши —
 Ахъ , если ты его замѣпиши ;
 Коварству , злобѣ опомспи !
 И наконецъ я счастливъ буду ,
 Спокойно міръ оспавлю сей —
 И въ благодарносчи моей
 Твою пощечину забуду . »

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставь отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому же — честь и слава имъ! —
Женильбы наши безопасны . . .
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, девицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрите имъ: они лукавы!
Спрашивалъся, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отправы,
И почивайте въ пищихъ.

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ шаинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаний и черпей,
 Могиль и рая вѣрный житпель,
 И музы вѣтреной моей
 Наперникъ, пѣстунъ и хранипель!
 Проспи мнѣ, сѣверный Орфей,
 Что въ повѣстпи моей забавной
 Теперь вослѣдъ тебѣ лечу,
 И лиру музы своеенравной
 Во лжи прелестпной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
 Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
 Предалъ сперва себя съ печали,
 А тамъ и души дочерей;
 Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ
 Молитвой, вѣрой, и поспомъ,
 И непріпворнымъ покаяньемъ
 Снискалъ заспупника въ Свяпомъ;
 Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
 Его двѣнадцать дочерей:
 И нась плѣнили, ужаснули
 Картины шайныхъ сихъ ночей,

Си чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсь, сей Божій гнѣвъ,
 Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ замка спѣнь,
И сердцемъ пронутымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій снѣнъ;
 Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрели ихъ,
 И часпо инокинь святыхъ
 На гробъ опшовскій провожали.
И чѣожъ, возможно ль? . . . намъ солгали!
 Но правду возвѣщу ли я? . . .

Младый Ратмиръ, направя къ югу
 Неперпѣливый бѣгъ коня,
 Ужъ думалъ предъ закапомъ дня
 Нагнать Русланову супругу.
 Но день багряный вечерѣль;
 Напрасно виплязъ предъ собою
 Въ шуманы дальніе смотрѣль:
 Все было пусто надъ рѣкою.
 Зари послѣдній лучъ горѣль

*

Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
 Нашъ випязъ мимо черныхъ скаль
 Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
 Ночлега межъ деревъ искалъ.
 Онь на долину выѣзжаетъ,
 И видитъ: замокъ на скалахъ
 Зубчаты спѣны возвышаепъ;
 Чернѣюпъ башни на углахъ;
 И дѣва по спѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
 Идетъ, зарей освѣщена;
 И дѣвы пѣснь едва слышна
 Долины въ пишинѣ глубокой.

« Ложится въ полѣ мракъ ночной;
 Опѣ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужъ поздно, пупникъ молодой!
 Укройся въ перемъ нашъ отрадный.

« Здѣсь ночью нѣга и покой,
 А днемъ и шумъ и пированье.
 Приди на дружное призванье,
 Приди, о пупникъ молодой!

« У насъ найдешь красавицъ рой;
 Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
 Приди на пайное призванье,
 Приди, о пупникъ молодой!

« Тебѣ мы съ упренней зарѣй
 Наполнимъ кубокъ на прощанье.
 Приди намирное призванье,
 Приди, о пупникъ молодой!

« Ложитсѧ въ полѣ мракъ ночной;
 Отъ волнъ поднялся вѣперъ хладный.
 Ужъ поздно, пупникъ молодой!
 Укройся въ шеремѣ нашъ опрадный. »

Она манилъ, она поѣтъ:
 И юный ханъ ужъ подъ спѣною;
 Его встрѣчаютъ у воротъ
 Дѣвицы красныя толпою;
 При шумѣ ласковыхъ рѣчей
 Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
 Онъ плѣнительныхъ очей;
 Двѣ дѣвицы коня уводятъ;
 Въ чертоги входить ханъ младой,

За нимъ отшельница миныхъ рой;
 Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
 Другая кованыя лапы,
 Та мечь берепъ, та пыльный щипъ;
 Одежда нѣги замѣнила
 Желѣзные доспѣхи браны.
 Но прежде юношу ведутъ
 Къ великолѣпной Руской бани.
 Ужъ волны дымныя текутъ
 Въ ея серебряные чаны,
 И брызгутъ хладные фонпаны;
 Разосланъ роскошью ковёръ;
 На немъ успалый ханъ ложится;
 Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
 Попутя нѣги полный взоръ,
 Прелестныя, полунасія,
 Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
 Вокругъ хана дѣвы молодыя
 Тѣснятся рѣзвою сплошью.
 Надъ рыцаремъ иная машетъ
 Вѣнцями молодыхъ берёзъ,
 И жаръ опть нихъ душистый паштъ;
 Другая сокомъ вешнихъ розъ
 Успалы члены прохлаждаетъ,

И въ ароматахъ попопляєтъ
 Темнокудрявые власы.
 Восторгомъ випязъ упоенной
 Уже забылъ Людмилы плѣнной
 Недавно мильтя красы;
 Томится сладостнымъ желаньемъ;
 Бродящій взоръ его блескитъ,
 И, полный спраспнымъ ожиданьемъ,
 Онъ паепть сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходить онъ изъ бани.
 Одѣтый въ бархатныя шкани,
 Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Рапмиръ
 Садится за богатый пиръ.
 Я не Омеръ: въ спихахъ высокихъ
 Онъ можетъ воспѣватъ одинъ
 Обѣды Греческихъ дружинъ
 И звоны и пѣну чашъ глубокихъ.
 Милѣе, по слѣдамъ Парни,
 Минъ славить лирою небрежной
 И нагому въ ночной пѣни,
 И поцѣлуй любови нѣжной!
 Луною замокъ озарёнъ;
 Я вижу перемъ отдаленный,

Гдѣ випязь помный, воспаленный
 Вкушаепъ одинокій сонъ;
 Его чело, его ланипы
 Мгновеннымъ пламенемъ горяпъ;
 Его успа полуопкрыпъ
 Лобзанье шайное маняпъ;
 Онъ спраспно, медленно взыхаепъ,
 Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снѣ
 Покровы къ сердцу прижимаепъ.
 Но вотъ въ глубокой пишинѣ
 Дверь отвориласъ; поль ревнивой
 Скрыпипъ подъ ножкой торопливой,
 И при серебряной лунѣ
 Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
 Сокройпесь, оплетипте прочь!
 Проснись — твоя наспала ночь!
 Проснися — дорогъ мигъ упраты! . . .
 Она подходипъ, онъ лежипъ,
 И въ сладоспрастной нѣгѣ дремлеipъ;
 Покровъ его съ одра скользипъ,
 И жаркій пухъ чело объемлеipъ.
 Въ молчаныи дѣва передъ нимъ
 Споипъ недвижно, бездыханна,
 Какъ лицемѣрия Diana
 Предъ милымъ паспыремъ своимъ;

И вонъ она, на ложе Хана
 Колѣномъ опершись однимъ,
 Вздохнувъ, лицѣ къ нему склоняєтъ
 Съ шомленьемъ, съ препептомъ живымъ,
 И сонъ счастливца прерываєтъ
 Лобзаньемъ спраспнімъ и нѣмымъ . . .

Но, други, дѣвственная лира
 Умолкла подъ моей рукой;
 Слабѣетъ робкій голосъ мой —
 Оставилъ юнаго Рапмира;
 Не смѣю пѣсней продолжать:
 Русланъ нась долженъ занимать,
 Русланъ, сей випязъ безпримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.
 Упорнымъ боемъ упомлѣнъ,
 Подъ богатырской головою
 Онъ сладоспній вкушаєтъ сонъ.
 Но вонъ ужъ раннею зарѣю
 Сіяєтъ тихій небосклонъ;
 Все ясно; упра лучъ игривый
 Главы косматый лобъ злапитъ.
 Русланъ вспаєтъ, и конъ репній
 Ужъ випязя спрѣлою мчинитъ.

И дни бѣгутъ; желѣютъ нивы;
 Съ деревъ спадаєтъ дряхлый листъ;
 Въ лѣсахъ осеній вѣнца свисаетъ
 Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
 Тяжелый, пасмурный шуманъ
 Нагие холмы обвиваєтъ;
 Зима приближилась — Русланъ
 Свой путь отважно продолжаетъ
 На дальний сѣверъ; съ каждымъ днемъ
 Преграды новыя встрѣчаєтъ:
 То бѣгія онъ съ богатыремъ,
 То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
 То лунной ночью видитъ онъ,
 Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
 Окружены сѣдымъ шуманомъ,
 Русалки, тихо на вѣтвяхъ
 Качаясь, випязя младаго
 Съ улыбкой хитрой на устахъ
 Манятъ, не говоря ни слова . . .
 Но шайнымъ промысломъ хранимъ,
 Безстрашный випязъ невредимъ;
 Въ его душѣ желанье дремлетъ,
 Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ,
 Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между пѣмъ, никѣмъ незrimа,
 Опь нападеній колдуна
 Волшебной шапкою хранима,
 Чѣо дѣлаeпть моя княжна,
 Моя прекрасная Людмила?
 Она, безмолвна и уныла,
 Одна гуляeпть по садамъ,
 О другѣ мыслишь и взыхаeпть,
 Иль, волю давъ своимъ мечпамъ,
 Къ родимымъ Киевскимъ полямъ
 Въ забвеныи сердца улeпаeпть;
 Опца и братъевъ обнимаeпть,
 Подружекъ видишь молодыхъ
 И старыхъ мамушекъ своихъ —
 Забыты плѣнъ и разлученье!
 Но вскорѣ бѣдная княжна
 Свое теряeпть заблужденье,
 И вновь уныла и одна.
 Рабы влюбленнаго злодѣя,
 И день и ночь, сидѣть не смѣя,
 Межъ пѣмъ по замку, по садамъ
 Прелестной плѣнницы искали,
 Мешкались, громко призывали,
 Однако все полуспякамъ.

Людмила ими забавлялась:
 Въ волшебныхъ рощахъ иногда
 Безъ шапки вдругъ она являлась,
 И кликала: сюда, сюда!
 И всѣ бросались къ ней плопою;
 Но въ спорону — незрима вдругъ —
 Она неслышно спопою
 Опъ хищныхъ убѣгала рукъ.
 Вездѣ всечасно замѣчали
 Ея минутныя слѣды:
 То позлащенные плоды
 На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
 То капли ключевой воды
 На лугъ измятый упадали:
 Тогда навѣрио въ замкѣ знали
 Что пьеть иль кушаєть княжна.
 На вѣтвяхъ кедра иль березы
 Скрываясь по ночамъ, она
 Минутнаго искала сна —
 Но только проливала слезы,
 Звала супруга и покой,
 Томилась грустью и зѣвотой,
 И рѣдко, рѣдко предъ зарѣй,
 Склоняясь ко древу головой,

Дремала плюнкою дремотой;
 Едва рѣдѣла ночи мгла,
 Людмила къ водопаду шла
 Умыться хладною спруѣю:
 Самъ карла упренией порою
 Однажды видѣлъ изъ палатъ,
 Какъ подъ невидимой рукою
 Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
 Съ своей обычною поскою
 До новой ночи, здѣсь и памъ,
 Она бродила по садамъ;
 Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
 Ея пріятный голосокъ;
 Нерѣдко въ рощахъ поднимали
 Иль ею брошенный вѣнокъ,
 Или клочки Персидской шали,
 Или заплаканной платокъ.

Жестокой спраспью уязвленный,
 Досадой, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшился наконецъ
 Поймать Людмилу непремѣнно.
 Такъ Лемноса хромый кузнецъ,
 Пріавъ супружескій вѣнецъ

Изъ рукъ прелестной Циперен,
 Раскинуль сѣть ея красамъ,
 Открывъ насмѣшилымъ богамъ
 Киприды нѣжныя запѣи . . .

Скучая, бѣдная княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла пихо близъ окна,
 И сквозь колеблемыя вѣнки
 Смотрѣла на цвѣпущій лугъ.
 Вдругъ слышитъ — кличутъ: « милый другъ! »
 И видитъ вѣриаго Руслана.
 Его черпты, походка, спанъ;
 Но блѣденъ онъ, въ очахъ пуманъ
 И на бедрѣ живая рана —
 Въ ней сердце дрогнуло. « Русланъ!
 Русланъ! . . . онъ точно! » И спрѣлою
 Къ супругу плѣнница лепитъ,
 Въ слезахъ, трепеща, говорить:
 « Ты здѣсь . . . ты раненъ . . . что съ тобою? »
 Уже доспигла, обняла:
 О ужасъ . . . призракъ исчезаетъ!
 Княжна въ сѣпяхъ; съ ея лица
 На землю шапка упадаетъ.

Хладъя, слышитъ грозный крикъ:
 «Она моя!» и въ попть же мигъ
 Зрить колдуна передъ очами.
 Раздался дѣвы жалкій спонъ,
 Паденъ безъ чуствъ — и дивный сонъ
 Объялъ несчастную крылами.

Что будесть съ бѣдною княжной!
 О спрашный видъ: волшебникъ хилый
 Ласкаетъ дерзостной рукой
 Младыя прелесни Людмилы!
 Уже ли счастливъ будесть онъ?
 Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
 И кпо-то карлу вызываетъ.
 Въ смятеныи, блѣдный чародѣй
 На дѣву шапку надѣваестъ;
 Трубяще опять; звучнѣй, звучнѣй!
 И онъ лепитъ къ безвѣспной вспрѣчѣ,
 Закинувъ бороду за плечи.

П Ъ С Н Ъ П Я Т А Я.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣпрена . . . такъ чложе?
Еще милѣе пѣмъ она.
Всечасно прелестнію новой
Умѣеть насть она плѣнипъ;
Скажише: можно ли сравнипъ
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожапъ сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаюпъ жаръ.
А та — подъ юпкою гусарь,
Лишь дайше ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаепъ
И другомъ сердца назовѣпъ:

*

Но, вѣрите мнѣ, блаженъ и юноша,
 Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
 И даже съ нею незнакомъ.
 Да впрочемъ дѣло не о юношѣ!
 Но кто прорубилъ? Кто чародѣя
 На сѣчу грозну вызывалъ?
 Кто колдуна перепугалъ?
 Русланъ. Онъ, меспью пламенъя,
 Доспигъ обищали злодѣя.
 Ужъ витязь подъ горой споинъ,
 Призывный рогъ, какъ буря, воепъ,
 Непергѣливый конь кипитъ
 И снѣгъ копытомъ мочнымъ роетъ.
 Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
 По шлему крѣпкому спальниому
 Рукой незримой поражёнъ;
 Ударъ упалъ подобно грому;
 Русланъ подъемлетъ смущенный взоръ,
 И видитъ — прямо надъ главою —
 Съ подъяпой, спрашной булавою
 Лептаетъ карла Черноморъ.
 Щипомъ покрывшись, онъ нагнулся,
 Мечемъ попрясь и замахнулся;
 Но юноша взвился подъ облака;

Намигъ исчезъ — и свысока
 Шумя лепитъ на князя снова.
 Проворный випязъ оплетълъ,
 И въ снѣгъ съ размаха роковаго
 Колдунъ упалъ — да шамъ и сѣль;
 Русланъ, не говоря ни слова,
 Съ коня долой, къ нему спѣшилъ,
 Поймалъ, за бороду хватаетъ,
 Волшебникъ силился, кряхтилъ,
 И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ . . .
 Репивый конь во слѣдъ глядитъ;
 Уже колдунъ подъ облаками;
 На бородѣ герой виситъ;
 Лепятъ надъ мрачными лѣсами,
 Лепятъ надъ дикими горами,
 Лепятъ надъ бездною морской;
 Отъ напряженья костенѣя,
 Русланъ за бороду злодѣя
 Упорной держится рукой.
 Межъ пѣмъ, на воздухѣ слабѣя
 И силѣ Руской изумясь,
 Волшебникъ гордому Руслану
 Коварно молвить: слушай, князь!
 Тебѣ вредить я переспану;

Младое мужество любя,
 Забуду все, прощу тебя,
 Спущусь — но только съ уговоромъ . . .
 « Молчи, коварный чародѣй !
 Прерваль нашъ випязь: съ Черноморомъ ,
 Съ мучителемъ жены своей,
 Русланъ не знаетъ договора !
 Сей грозный мечъ накажетъ вора.
 Лепи хопъ до ночной звѣзды,
 А быть тебѣ безъ бороды ! »
 Боязнь объемлетъ Черномора ;
 Въ досадѣ, въ горести нѣмой ,
 Напрасно длинной бородой
 Усталый карла попрясаетъ :
 Русланъ ея не выпускаетъ
 И щиплетъ волосы порой .
 Два дни колдунъ героя посипъ ,
 На третій онъ пощады просипъ :
 « О рыцарь , сжался надо мной ;
 Едва дышу ; нѣпъ мочи болѣ ;
 Оставь мнѣ жизнь , въ пивоей я волѣ ;
 Скажи — спущусь , куда велишь . . . »
 — Теперь пы наше : ага , дрожишь !

Смирись, покорствуй Руской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ. —

Смиренно внемлѣть Черноморъ;
Домой онъ съ випяземъ пуспился;
Лепинъ — и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженнай головы,
И, бороду схвативъ другою,
Опсѣкъ ее, какъ горстъ правы.
«Знай нашихъ! молвилъ онъ жестоко,
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
Сѣдыя вяжетъ волоса;
Свиспя зоветъ коня лихаго;
Веселый конь лепинъ и рженъ;
Нашъ випязъ карлу чупъ живаго
Въ копомку за сѣдо кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья праймы,
Слѣшишъ на верхъ горы крупой,
Доспигъ, и съ радоспной душой
Лепинъ въ волшебныя палаты.
Вдамъ завида шлемъ брадашый,

Залогъ побѣды роковой,
 Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
 Толпы невольницъ боязливыхъ,
 Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
 Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ
 Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
 Супругу милую зоветъ —
 Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
 Руслану голосъ подаєтъ;
 Въ волненыи чувствъ неперпѣливыхъ
 Онъ опиряется двери въ садъ —
 Идетъ, идетъ — и не находитъ;
 Кругомъ смущенный взоръ обводитъ —
 Все мерпво: рощицы молчатъ,
 Бесѣдки пусты; на спремниахъ,
 Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
 Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
 И ухо ничего не внемлетъ.
 Внезапный князя хладъ объемлетъ,
 Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
 Въ умѣ возникли мрачны думы . . .
 « Быть можетъ, горестъ . . . плѣнь угрюмый . . .
 « Минута . . . волны . . . » Въ сихъ мечтахъ
 Онъ погруженъ. Съ нѣмой поскою

Поникнулъ випязъ головою;
 Его томилъ невольный страхъ;
 Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
 Мрачился разумъ; дикий пламень
 И ядъ опчайной любви
 Уже пекутъ въ его крови.
 Казалось — пѣнь княжны прекрасной
 Коснулась препепинымъ успамъ . . .
 И вдругъ, неистовъй, ужасной,
 Спремицся випязъ по садамъ;
 Людмилу съ воплемъ призываешьъ,
 Съ холмовъ упесы отрываешьъ,
 Все рушашъ, все крушишъ мечемъ —
 Бесѣдки, рощи упадаюшъ,
 Древа, мосты въ волнахъ ныряюшъ,
 Степь обнажающа кругомъ!
 Далеко гулы повторяюшъ
 И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
 Повсюду мечь звенишъ и свищетъ,
 Прелестный край опустошёнъ —
 Безумный випязъ жерпвы ищетъ,
 Съ размаха вправо, влѣво онъ
 Пустынныи воздухъ разсѣкаетъ . . .
 И вдругъ — нечаянныи ударъ

Съ княжны невидимой сбиваепъ
 Прощальный Черномора даръ . . .
 Волшебства вмигъ исчезла сила :
 Въ съпяхъ открылася Людмила!
 Не вѣря самъ своимъ очамъ,
 Нежданымъ счастьемъ упоенной ,
 Нашъ випяязъ падаепъ къ ногамъ
 Подруги вѣрной , незабвенной ,
 Щѣлуешъ руки , сѣпи рвешъ ,
 Любви , воспорга слезы льепъ ,
 Зовепъ ее — но дѣва дремлешъ ,
 Сомкнуты очи и успа ,
 И сладоспрастная мечта
 Младую грудь ея подъемлешъ .
 Русланъ съ нея не сводишь глазъ ,
 Его терзаепъ вновь кручина . . .
 Но вдругъ знакомый слышишъ гласъ ,
 Гласъ добродѣтельного Финна :

« Мужайся , князь ! Въ обратный путь
 Спупай со спящею Людмилой ;
 Наполни сердце новой силой ,
 Любви и честни вѣренъ будь .
 Небесный громъ на злобу грянетъ ,

И воцарится шишина —
 И въ съѣпломъ Кіевъ княжна
 Передъ Владміромъ возстанетъ
 Опль очарованнаго сна. »

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
 Берептъ въ объятія жену,
 И пихо съ ношой драгоцѣнной
 Опль оставляетъ вышину,
 И сходитъ въ долъ уединенной.

Въ молчаныи, съ карлой за сѣдломъ,
 Поѣхалъ онъ своимъ пупѣмъ;
 Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
 Свѣжа, какъ вешняя заря,
 И на плечо богатыря
 Лице спокойное склонила.
 Власами, свинymi въ кольцо,
 Пустынныи вѣперокъ играетъ;
 Какъ часпо грудь ея вздыхаетъ!
 Какъ часпо тихое лицо
 Мгновенной розою пылаетъ!
 Любовь и шайная мечта
 Руслановъ образъ ей приноситъ,

И съ пломнымъ шопотомъ уста
 Супруга имя произносятъ . . .
 Въ забвеньи сладкомъ ловить онъ
 Ея волшебное дыханье,
 Улыбку, слезы, нѣжный спонъ
 И сонныхъ персей волнованье . . .

Межъ пѣмъ, по доламъ, по горамъ,
 И въ бѣлый день, и по ночамъ,
 Нашъ випязь єдетъ непрестанно.
 Еще далекъ предѣль желанной,
 А дѣва спитъ. Но юный князъ,
 Безплоднымъ пламенемъ пломясь,
 Уже ль, спрадалецъ постоянной,
 Супругу только спорожилъ,
 И въ цѣломудренномъ мечтаньѣ ,
 Смиливъ нескромное желанье,
 Свое блаженство находилъ?
 Монахъ, который сохранилъ
 Потомству вѣрное преданье
 О славномъ випязѣ моѣмъ,
 Насъ увѣряетъ смѣло въ пломъ:
 И вѣрю я! Безъ раздѣленья
 Унылы, грубы наслажденья:

Мы прямо счастливы вдвоём.
 Паспушки, сонъ княжны прелестной
 Не походилъ на ваши сны,
 Порой томительной весны,
 На муравѣ, въ тѣни древесной.
 Я помню маленькой лужокъ
 Среди березовой дубравы,
 Я помню темной вечерокъ,
 Я помню Лиды сонъ лукавый . . .
 Ахъ, первый поцѣлуй любви
 Дрожащій, легкій, торопливой
 Не разогналъ, друзья мои,
 Ея дремоты сперѣмливой . . .
 Но помно, я болтаю вздоръ!
 Къ чему любви воспоминанье?
 Ея упѣха и спраданье
 Забыты мною съ давнихъ поръ;
 Теперь вскунть мое вниманье
 Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними спелепится равнина,
 Гдѣ ели изрѣдка взошли;
 И грознаго холма вдали
 Чернѣеетъ круглая вершина

Небесь на яркой синевѣ.

Русланъ глядитъ — и догадался,

Что подъѣзжаетъ къ головѣ;

Быстро борзый конь помчался;

Ужъ видно чудо изъ чудеъ;

Она глядитъ недвижнымъ окомъ;

Власы ея какъ черный лѣсъ,

Поросшій на челѣ высокомъ;

Ланипы жизни лишены;

Свинцовой блѣдносстью покрыты,

Уста огромныя опкрыты,

Огромны зубы спѣснены . . .

Надъ полумертвой головою

Послѣдній день ужъ пягопѣль.

Къ ней храбрый випязъ прилепѣлъ

Съ Людмилой, съ карлой за спиною.

Онъ крикнулъ: « здравствуй, голова!

« Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!

« Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ плѣнникъ! »

И князя гордая слова

Ее внезапно оживили,

Намигъ въ ней чувство разбудили,

Очиулась будто ото сна,

Взглянула, спрашно заспонала . . .

Узнала випязя она,
 И братца съ ужасомъ узнала.
 На дулись ноздри; на щекахъ
 Багровый огнь еще родился,
 И въ умирающихъ глазахъ
 Послѣдній гнѣвъ изобразился.
 Въ смятеныи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
 Она зубами скрежетала,
 И братцу хладнымъ языкомъ
 Укорь невнятный лепетала . . .
 Уже ея въ шопть самый часъ
 Кончалось долгое спраданье:
 Чела мгновенный пламень гасъ,
 Слабѣло пляжкое дыханье,
 Огромный закапился взоръ ,
 И вскорѣ князь и Черноморъ
 Узрѣли смерти содроганье . . .
 Она почила вѣчнымъ сномъ.
 Въ молчаныи випязь удалился;
 Дрожащій карликъ за сѣдломъ
 Не смѣль дышать, не шевелился,
 И чернокнижнымъ языкомъ
 Усердно демонамъ молился.

На склонѣ тѣмныхъ береговъ
 Какой-то рѣчки безымянной,
 Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
 Споямъ поникшей хаты кровъ,
 Густыми соснами вѣнчанной.
 Въ печеныхъ медленномъ рѣка
 Вблизи плещень изъ проспника
 Волною сонной омыvalа,
 И вкругъ него едва журчала
 При легкомъ шумѣ вѣнгерка.
 Долина въ сихъ мѣстахъ шамлась,
 Уединенна и тѣмна;
 И шамъ, казалось, птичина
 Съ начала міра воцарилась.
 Русланъ остановилъ коня.
 Все было тихо, безмятежно;
 Отъ разсвѣтающаго дня
 Долина съ рощею прибрежной
 Сквозь утренній сіяла дымъ.
 Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
 Садится близъ нея, вздыхаетъ
 Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
 И вдругъ онъ видитъ предъ собою
 Смиренный парусъ челнока,

И слышитъ пѣсню рыбака
 Надъ пихоспруйною рѣкою.
 Раскинувъ неводъ по волнамъ,
 Рыбакъ, на весла наклоненной,
 Плынетъ къ лѣсистымъ берегамъ,
 Къ порогу хижины смиренной.
 И видитъ добрый князь Русланъ:
 Челнокъ ко брегу приплываетъ;
 Изъ темной хаты выбѣгаетъ
 Младая дѣва; спройный спанъ,
 Власы, небрежно распущены,
 Улыбка, тихій взоръ очей,
 И грудъ, и плечи обнаженны,
 Все мило, все плѣняетъ въ ней.
 И вотъ они, обнявъ другъ друга,
 Садятся у прохладныхъ водъ,
 И часъ безпечнаго досуга
 Для нихъ съ любовью наспаѣтъ.
 Но въ изумлены молчаливомъ
 Кого же въ рыбакъ счастливомъ
 Нашъ юный випязъ узнаѣтъ?
 Хазарскій ханъ, избранный славой,
 Рапмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
 Его соперникъ молодой,

Рапмиръ, въ пустынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабылъ,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятияхъ подруги нѣжной.

Герой приближился, и вмигъ
Опшельникъ узнаетъ Руслана,
Вспаепъ, лепитъ. Раздался крикъ . . .
И обнялъ князь младаго хана.
Что вижу я! спросилъ герой,
Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, копорый ты прославилъ?
« Мой другъ, опившися воловъ рыбакъ,
Душъ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь: невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣе сердцу во спо крапъ —
Теперь, упрашивъ жажду брани,
Преспалъ планилъ безумству дани,
И, вѣрнымъ счастiemъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелесты Людмилы. »

— Любезный ханъ, я очень радъ!
Сказалъ Русланъ: она со мною.—
« Возможно ли, какой судьбою?
Что смышу? Русская княжна . . .
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь . . . но нѣпъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою упраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Успа волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ перемъ ихъ веселый,
Въ пѣни хранищельныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу и враговъ.
Опшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глухи,

**Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!»**

Паспушка милая внимала
Друзей опкрыпый разговоръ,
И, успремивъ на хана взоръ,
И улыбалась и вздыхала.

Рыбакъ и випязъ на брегахъ
До шемной ночи просидѣли
Съ душей и сердцемъ на успахъ —
Часы невидимо лепѣли.
Чернѣєть лѣсь, шемна гора;
Вспаєть луна — все тихо спало;
Герою въ путь давно пора —
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коя садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душей вослѣдъ ему спремится,
Руслану счастія, побѣдъ
И славы и любви желаєтъ . . .
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустю оживляєтъ . . .

Зачѣмъ судьбой не суждено
 Моей непоспѣянной лирѣ
 Геройство воспѣвать одно ,
И съ нимъ (незнаемыя въ мірѣ)
 Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
 Печальной испинѣ поэть ,
 Зачѣмъ я долженъ для потомства
 Порокъ и злобу обнажать ,
И шайны козни вѣроломства
 Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искашель недостойный ,
 Охоту къ славѣ поперявъ ,
 Никѣмъ незнаемый Фарлафъ
 Въ пустынѣ дальнѣй и спокойной
 Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталъ .
 Къ нему волшебница явилась ,
 Вѣщая: « знаешь ли меня ?
 « Ступай за мной ; сѣдлай коня ! »
И вѣдьма кошкой обрапилась ;
 Осѣдланъ конь , она пустимась ;
 Тропами мрачными дубравъ
 За нею слѣдуешь Фарлафъ .

Долина птичая дремала,
 Въ ночной одѣтая шуманъ,
 Луна во мглѣ перебѣгала
 Изъ пучи въ пучу, и курганъ
 Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
 Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
 Сидѣлъ съ обычною троскою
 Предъ усыпленною княжною.
 Глубоку думу думалъ онъ,
 Мечты лепѣли за мечтами,
 И непримѣтно вѣяль сонъ
 Надъ нимъ холодными крылами.
 На дѣву смущными очами
 Въ дремотѣ пломной онъ взглянулъ,
 И, упомленною главою
 Склоняясь къ ногамъ ея, заснуль.

И снился вѣщій сонъ герою:
 Онъ видитъ, будто бы княжна
 Надъ спрашной бездны глубиною
 Стоитъ недвижна и блѣдна . . .
 И вдругъ Людмила исчезаетъ,
 Стоитъ одинъ надъ бездной онъ . . .
 Знакомый гласъ, призывающій спонъ

Изъ тихой бездны вымешаетъ . . .

 Русланъ спремится за женой;

 Спремглавъ лепитъ во пмѣ глубокой . . .

 И видитъ вдругъ передъ собой:

 Владиміръ, въ гридицѣ высокой,

 Въ кругу сѣдыхъ богатырей,

 Между двѣнадцатью сынами.

 Съ полпою названныхъ гостей

 Сидитъ за браными столами.

 И также гнѣвенъ спарый князь,

 Какъ въ день ужасный разспаванья,

 И всѣ сидя не шевелясь,

 Не смѣя перервать молчанья.

 Утихъ веселый шумъ гостей,

 Не ходитъ чаша круговая . . .

 И видитъ онъ, среди гостей,

 Въ бою сраженнаго Рогдая:

 Убитый, какъ живой, сидитъ;

 Изъ опѣненнаго спакана

 Онъ, весель, пьетъ и не глядитъ

 На изумленнаго Руслана.

 Князь видитъ и младаго хана,

 Друзей и недруговъ . . . и вдругъ

 Раздался гуслей бѣглый звукъ

И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвица героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридину Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но спарецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчипъ, склонивъ главу унылу,
Князья, бояре — всѣ молчапъ,
Душевныя движенья кроя.
И все исчезло — смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремому тяжко погружёнъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненъи мыслипъ: это сонъ!
Томится, но зловѣщей грэзы,
Увы, прервапъ не въ силахъ онъ.

Луна чупъ свѣтилъ надъ горою;
Объяты рощи племнотою,
Долина въ мертвой пишинѣ . . .
Измѣниникъ Ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спипъ Русланъ,

И ходитъ конь кругомъ кургана.
 Фарлафъ съ боязнию глядитъ;
 Въ шуманѣ вѣдьма исчезаетъ,
 Въ немъ сердце замерло, дрожитъ,
 Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
 Тихонько обнажаетъ мечъ,
 Готовясь выпяя безъ боя
 Съ размаха надвое разсѣть . . .
 Къ нему подѣхалъ. Конь героя;
 Врага почуя, закипѣлъ,
 Заржалъ и попнулъ. Знакъ напрасный!
 Русланъ не внемлеть; сонъ ужасный,
 Какъ грузъ, надъ нимъ опяготѣлъ! . . .
 Измѣнникъ, вѣдьмой одобренный,
 Герою въ грудь рукой презрѣнной
 Вонзаепть прижды хладну спаль . . .
 И мчится боязливо въ даль
 Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
 Лежалъ во мракѣ подъ горою.
 Часы лепѣли. Кровь рѣкою
 Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
 Поупру, взоръ открывъ шуманной,

Пуская тяжкий, слабый спонъ,
Съ усилиемъ приподнялся онъ,
Взглянуль, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханной.

ПѢСНЬ ШЕСТЯЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Спариинны были напѣвать,
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга . . .

Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтриной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забыть и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.

Опять гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, опвыкъ . . .

Дышу тобой — и гордой славы
Невнятень мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ пайный гений
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдующъ мой умъ.

Но ты велишь, но ты любила
 Рассказы прежніе мои,
 Преданья славы и любви;
 Мой богатырь, моя Людмила,
 Владимиръ, вѣдьма, Черноморъ,
 И Финна вѣрныя печали
 Твое мечтанье занимали;
 Ты, слушая мой легкій вздоръ,
 Съ улыбкой иногда дремала;
 Но иногда свой нѣжный взоръ
 Нѣжнѣе на пѣвца бросала . . .
 Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
 Касаюсь вновь лѣнивыхъ спрунъ;
 Сажусь у ногъ швоихъ, и снова
 Бренчу про випязя младаго.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
 Лежитъ онъ мерпвый въ чистомъ полѣ;
 Ужъ кровь его не льется болѣ,
 Надъ нимъ лептаепъ жадный вранъ,
 Безгласенъ рогъ, недвижны лапы,
 Не шевелипся шлемъ косматый!

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь!
Не машетъ гривой золотою,
Не трепещется, не скачетъ онъ,
И ждетъ, когда Русланъ воспрянептъ . . .
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щипть его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ копомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще на знаептъ ни о чёмъ;
Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранилъ опскуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ — о диво!
Онъ видитъ, богатырь убитъ;
Въ крови пополненный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй опѣ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла бытъ неправъ.

Межъ пѣмъ, Наиной осѣннѣй,
Съ Людмилой, пихо усыпленной,
Спремиця къ Кіеву Фарлафъ:
Лепилъ, надежды, спраха полны;
Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажипьяхъ шумялъ;
Ужъ видилъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчиця,
И шумъ на спогнахъ возспаѣлъ;
Въ волиенъ радоспномъ народъ
Валилъ за всадникомъ, пѣсници;
Бѣгутъ обрадованъ опца:
И вонъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своѣмъ
Сидѣлъ, помясь привычной думой.
Бояре, випязи кругомъ
Сидѣли съ важноспью угрюмой.
Вдругъ внемлесть онъ: передъ крыльцомъ
Волненіе, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилася; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;

Всѣ вспали съ шопотомъ глухимъ,
 И вдругъ смущились, зашумѣли:
 «Людмила здѣсь! Фарлафъ... уже ли?»
 Въ лицѣ печальному измѣнясь,
 Вспаепъ со спула старый князь,
 Спѣшилъ пяжелыми шагами
 Къ несчастной дочери своей,
 Подходилъ; опечими руками
 Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
 Но дева милая не внемлеялъ,
 И очарованная дремлеялъ
 Въ рукахъ убийцы — всѣ глядялъ
 На князя въ смущенномъ ожиданье;
 И старецъ беспокойный взглядъ
 Вперилъ на випязя въ молчанье.
 Но, хищно перспѣвъ къ успамъ прижалъ,
 «Людмила спишь,» сказалъ Фарлафъ:
 «Я пакъ нашелъ ее недавно
 «Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
 «У злаго лѣшаго въ рукахъ;
 «Тамъ совершилось дѣло славно;
 «Три дня мы билися; луна
 «Надъ боемъ прижды подымалась;
 «Онъ палъ, а юная княжна

«Мнѣ въ руки сонною доспалась;
 «И кто прервѣтъ сей дивный сонъ?
 «Когда настанетъ пробужденье?
 «Не знаю — скрыть судьбы законъ!
 «А намъ надежда и терпѣнье
 «Онѣ оспались въ упѣщенье.»

И вскорѣ съ вѣспью роковой
 Молва по граду полетѣла;
 Народа пестрою толпой
 Градская площадь закипѣла;
 Печальный перемѣвъ всѣмъ открыть;
 Толпа волнуетсѧ, валить
 Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
 На одѣялѣ парчевомъ
 Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
 Князья и випязи кругомъ
 Спояти унылы; гласы трубны,
 Рога, пимпаны, гусли, бубны
 Гремятъ надъ нею; старый князь,
 Тоской тяжелой изнурясь,
 Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
 Приникъ съ безмолвными слезами;
 И блѣдный близъ него Фарлафъ

Въ нѣмомъ раскаяни, въ досадѣ,
Трепещеши, дерзостѣ поперявъ.

Наспала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, пѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякой шоковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтилѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ упреніей зарѣй,
Весь Киевъ новою превогой
Смушился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпягся на спѣнѣ градской . . .
И видягъ: въ упреніемъ шуманѣ
Шапры бѣлоюгъ за рѣкой;
Щипы, какъ зарево, блістаюгъ,
Въ поляхъ наездники мелькаюгъ,
Вдали подъемля черный прахъ;
Идутъ походныя племеги,
Коспры пылаюгъ на холмахъ.
Бѣда: возспали Печенѣги!

*

Но въ эпо время вѣшній Финнъ,
Духовъ могучій власпелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнной, возспалъ.

Въ нѣмой глуши спепей горючихъ,
За дальной цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣпровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнутъ въ поздній часъ боится,
Долина чудная шаится,
И въ твой долинѣ два ключа:
Одинъ печепъ волной живою,
По камнямъ весело журча,
Топъ льется мертвовою водою;
Кругомъ все птихо, вѣпры спятъ,
Прохлада вѣшняя не вѣетъ,
Сполѣни сосны не шумятъ,
Нѣ выютъ шпицы, лань не смеетъ
Въ жаръ лѣпній пить изъ пайныхъ водъ;
Чепа духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,

Дремучій берегъ спережепъ . . .
 Съ двумя кувшинами пустыми
 Предспалъ опшельникъ передъ ними;
 Прервали духи давній сонъ,
 И удалились спраха полны.
 Склонившись, погружаетъ онъ
 Сосуды въ дѣвственныя волны;
 Наполнилъ, въ воздухѣ пропалъ,
 И очутился въ два мгновенія
 Въ долинѣ, гдѣ Русланъ лежалъ
 Въ крови, безгласный, безъ движенья;
 И спалъ надъ рыцаремъ спарикъ,
 И вспрыснулъ мерпрою водою,
 И раны засияли вмигъ,
 И пруть чудесной красою
 Процвѣль; тогда водой живою
 Героя спарецъ окропилъ,
 И бодрый, полный новыхъ силъ,
 Трепеща жизнью молодою,
 Вспаепъ Русланъ, на ясный день
 Очами жадными взираетъ,
 Какъ безобразный сонъ, какъ пѣнь,
 Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
 Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!

Въ немъ сердце вспыхнувъ замираепъ.
 Вдругъ випязь вспрянулъ; вѣцій Финъ
 Его зовепъ и обнимаетъ:
 « Судьба свершилась, о мой сынъ!
 Тебя блаженство ожидаепъ;
 Тебя зовепъ кровавый пиръ;
 Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
 На Кіевъ снедепъ кропкій миръ,
 И памъ она тебѣ предстанетъ.
 Возми завѣтное кольцо,
 Коснися имъ чела Людмилы,
 И тайныхъ чаръ исчезнутъ сны,
 Враговъ смущитъ твоє лицѣ,
 Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
 Достойны счастья будьше оба!
 Проспи надолго, випязь мой!
 Дай руку . . . памъ, за дверью гроба —
 Не прежде — свидимся съ тобой! »
 Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
 Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
 Русланъ, для жизни пробужденный,
 Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ . . .
 Но ничего не слышно болѣ!
 Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ;

Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
 Руслановъ конь неперпѣливой
 Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
 Ужъ князь гоповъ, ужъ онъ верхомъ,
 Ужъ онъ лепитъ живой и здравый
 Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между пѣмъ какой позоръ
 Являєтъ Кіевъ осажденный?
 Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
 Народъ, уныньемъ пораженный,
 Стоитъ на башняхъ и спѣнахъ,
 И въ спрахѣ ждетъ небесной казни;
 Степанья робкія въ домахъ,
 На спогнахъ пищина боязни;
 Одинъ, близъ дочери своей,
 Владиміръ въ горестной молитвѣ;
 И храбрый сонмъ богатырей
 Съ дружиной вѣрною князей
 Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
 Съ зарею двинулись съ холмовъ;
 Неукропимыя дружины,

Волнуясь, хлынули съ равнины
 И попекли къ спѣнѣ градской;
 Во градѣ трубы загремѣли,
 Бойцы сомкнулись, полепѣли
 На вспѣчу рати удалой,
 Сошлись — и заварился бой.
 Почуя смерть, взыграли кони,
 Пошли спущапь мечи о брони;
 Со свистомъ пучка спрѣль взвилась,
 Равнина кровью залилась;
 Спремглавъ наездники помчались,
 Дружины конныя смѣщались;
 Сомкнутой, дружною спѣной
 Тамъ рубился со спроемъ спрай;
 Со всадникомъ шамъ пѣшій бѣлся;
 Тамъ конь испуганный несется;
 Тамъ Рускій паль, шамъ Печенѣгъ;
 Тамъ клики бипвы, шамъ побѣгъ;
 Топъ опрокинутъ булавою;
 Топъ легкой пораженъ спрѣлою;
 Другой, придавленный щипомъ,
 Распоппанъ бѣшенымъ конемъ . . .
 И длился бой до племной ночи;
 Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!

За грудами кровавыхъ пѣль
 Бойцы сомкнули помны очи,
 И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
 Лишь изрѣдка на полѣ битвы
 Былъ слышенъ падшихъ скорбный спонъ,
 И Рускихъ випязей молитвы.

Блѣднѣла упреняя пѣнь,
 Волна сребрилася въ попокѣ,
 Сомнительный раздался день
 На опуманенномъ воспокѣ.
 Яснѣли холмы и лѣса,
 И просыпались небеса.
 Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
 Дремало поле боевое;
 Вдругъ сонъ прервался: вражій спанъ
 Съ превогой шумною воспрянулъ,
 Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
 Смущилось сердце Киевлянъ;
 Бѣгутъ неспройными плопами
 И видятъ: въ полѣ межъ врагами,
 Блистая въ лапахъ, какъ въ огнѣ,
 Чудесный воинъ на конѣ
 Грозой несется, колеитъ, рубитъ,

Въ ревущій рогъ, лепая, трубипъ...
 То быль Русланъ. Какъ Божій громъ
 Нашъ випязъ палъ на басурмана;
 Онъ рыщепъ съ карломъ за сѣдломъ
 Среди испуганнаго спана.

Гдѣ ни просвищепъ грозный мечъ,
 Гдѣ конь сердитый ни промчится,
 Вездѣ главы слепаюпъ съ плечъ,
 И съ воплемъ спрой на спрой валился;
 Въ одно мгновеніе бранный лугъ
 Покрыпъ холмами пѣль кровавыхъ,
 Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
 Громадой копій, спрѣль, кольчугъ.
 На трубыный звукъ, на голосъ боя
 Дружины конныя Славянъ
 Помчались по слѣдамъ героя,
 Сразились... гибни, басурманъ!
 Объемлесть ужасъ Печенѣговъ;
 Пипомцы бурные набѣговъ
 Зовутъ разсѣянныхъ коней,
 Противились не смѣютъ болѣ,
 И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
 Бѣгутъ опь Кіевскихъ мечей,
 Обречены на жерпву аду;

Ихъ сонмы Рускій мечъ казнитъ;
 Ликуетъ Киевъ . . . Но по граду
 Могучій богатырь лепитъ;
 Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной;
 Копье сіяетъ какъ звѣзда;
 Спрунцится кровь съ кольчуги мѣдной;
 На шлемѣ въеется борода;
 Лепитъ, надеждой окриленный,
 По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
 Народъ, воспоргомъ упоенный,
 Толпится съ кликами кругомъ,
 И князя радость оживила.
 Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
 Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
 Владиміръ, въ думу погружёнъ,
 У ногъ ея споялъ унылый.
 Онъ былъ одинъ. Его друзей
 Война влекла въ поля кровавы.
 Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
 Вдали отъ вражескихъ мечей,
 Въ душѣ презрѣвъ превоги спана,
 Споялъ на спражѣ у дверей.
 Едва злодѣй узналъ Руслана,
 Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,

Въ успахъ опкрытыхъ замеръ гласъ,
 И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна . . .
 Достойной казни ждепъ измѣна!
 Но, помня тайный даръ кольца,
 Русланъ лепилъ къ Людмилѣ спящей,
 Ея спокойнаго лица
 Касаепся рукой дрожащей . . .
 И чудо: юная княжна,
 Вздохнувъ, опкрыла свѣплы очи!
 Казалось, будто бы она
 Дивилася споль долгой ночи;
 Казалось что какои-то сонъ
 Ее помилъ мечтой неясной,
 И вдругъ узнала — это онъ!
 И князь въ объятіяхъ прекрасной.
 Воскреснувъ пламенной душой,
 Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
 И старецъ въ радости нѣмой,
 Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ?
 Ты угадаешь, другъ мой милой!
 Неправый спарца гнѣвъ погасъ;
 Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой

У ногъ Руслана объявилъ
Свой спыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князъ ему проспилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій празднуя конецъ,
Владимиръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьеъ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья спарины глубокой.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ, мира житпель равнодушной,
На лонѣ праздной птичины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья пѣмной спарини.
Я пѣль — и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣни вѣтреной Дориды,
И сплѣни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Умъ улеташъ за край земной;
И между пгѣмъ грозы незримой
Сбиралась пучка надо мной! . . .
Я погибалъ . . . Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный упѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младоспи кумиръ!

Забытый свѣтомъ и молвою,
 Далече опь бреговъ Невы,
 Теперь я вижу предъ собою
 Кавказа гордяя главы.
 Надъ ихъ вершинами крупными,
 На скапѣ каменныхъ спремнинъ,
 Пиппаюсь чувствами нѣмыми
 И чудной прелестью карпинъ
 Природы дикой и угрюмой;
 Душа, какъ прежде, каждый часть
 Полна шомицельною думой —
 Но огнь поэзіи погасъ.
 Ишу напрасно впечатлѣній:
 Она прошла, пора стиховъ,
 Пора любви, веселыхъ сновъ,
 Пора сердечныхъ вдохновеній!
 Восторговъ крапкій день пропекъ —
 И скрылась опь меня навѣкъ
 Богиня тихихъ пѣснопѣній . . .

**КАВКАЗСКІЙ
ПЛѢННИКЪ.
ПОВѢСТЬ.**

ПОСВЯЩЕНИЕ.

*Приими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ пустынной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда мнъ бѣдствія грозили;
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыжалъ: другъ друга мы любили.
И бури надо мнай свирѣпость утомили:
Я въ мирной пристани божовъ благословилъ.
Во дни пегальныи разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнъ Каекаэъ,
Гдѣ пасмурный Бешту⁽¹⁾, пустынникъ величавый,
Ауловъ⁽²⁾ и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучie клюги, увядшія равнины,
Пустыни знайныя, края, гдѣ ты со мнай
Дѣлилъ души младыя спекатльныя;*

*Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикий геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, мильихъ сердцу дней,
Противорѣгія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья,
И тайный гласъ души моей.*

*Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва, едва разцепль, и слѣдъ отца-героя
Въ поля кровавыя, подъ туги вражьихъ стрель,
Младенецъ избранный, ты гордо полетель;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цветъ.
Я рано скорбъ узналъ, узналъ людей и сель:
Но, сердце укрѣпивъ терпньюемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастіе моихъ друзей
Мнѣ было сладкиль утѣшеніемъ.*

Ч А С Т Ъ I.

**Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидяпъ.
Сыны Кавказа говоряпъ
О бранныхъ, гибельныхъ превогахъ,
О красопѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаюпъ прежнихъ дней
Неопразимые набѣги,
Обманы хипрыхъ узденей, (3)
Удары шашекъ (4) ихъ жеспокихъ,
И мѣлкоспѣ неизбѣжныхъ спрѣль,
И пепель разоренныхъ сель,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.**

**Текутъ бесѣды въ пишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ шуманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстрапо на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ.
Вопль Руской! хищникъ возопилъ.**

Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточеною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображеній главой,
Какъ прутъ, недвижимъ оспавался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ лептаетъ смертный сонъ
И холодомъ плеврорнымъ дышитъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежаль въ забвѣніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный сонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ . . .
И видитъ: неприсущихъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничихъ племенъ,
Черкеской вольноспин ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,

Какъ сна ужаснаго превоги,
 И слышитъ: загремѣли вдругъ
 Его закованныя ноги . . .
 Все, все сказалъ ужасный звукъ;
 Запмилась передъ нимъ природа.
 Проспи, священная свобода!
 Онъ рабъ.

За саклями (5) лежитъ

Онъ у колючаго забора.
 Черкесы въ полѣ, нѣпъ надзора,
 Въ пустомъ аулѣ все молчишъ.
 Предъ нимъ пустынныя равнины
 Лежатъ зеленою пеленою;
 Тамъ холмовъ пянущіяся грядой
 Однообразныя вершины;
 Межъ нихъ уединенный пупъ
 Вдали теряется угрюмой:
 И плѣнника младаго грудъ
 Тяжелой взволновалась думой . . .

Въ Россію дальній пупъ ведѣтъ,
 Въ страну, гдѣ пламенную младость
 Онъ гордо началъ безъ заботъ;
 Гдѣ первую позналъ онъ радость,

Гдѣ много миаго любиль,
 Гдѣ обняль грозное спраданье,
 Гдѣ бурной жизнью погубиль
 Надежду, радость и желанье,
 И лучшихъ дней воспоминанье
 Въ увядшемъ сердцѣ заключиль.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
 И зналъ невѣрной жизни цѣну.
 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
 Въ мечтахъ любви безумный сонъ,
 Наскуча жерпвой бытие привычной
 Давно презрѣнной суевѣи,
 И непріязни двуязычной,
 И просподушной клеветы,
 Отступникъ свѣтла, другъ природы,
 Покинулъ онъ родной предѣль
 И въ край далекій полегълъ
 Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свершилось... цѣлью упованья
 Не зришь онъ въ мірѣ ничего.
 И вы, послѣднія мечтанья,
 И вы сокрылись отъ него.

Онъ рабъ. Склонясь главой на камень,
 Онъ ждепъ, чтобъ съ сумрачной зарей
 Погасъ печальной жизни пламень
 И жаждепъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами:
 Вдали раздался шумный гуль,
 Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
 Сверкая свѣглыми косами.
 Пришли; въ домахъ зажглись огни,
 И постепенно шумъ нестройной
 Умолкнуль; все въ ночной пѣни
 Объятю нѣгою спокойной;
 Вдали сверкаетъ горный ключъ,
 Сбѣгая съ каменной спремини;
 Одѣлись пеленою пучь
 Кавказа спящія вершины . . .
 Но кто, въ сіяніи луны,
 Среди глубокой тишины
 Идетъ, украдкою ступая?
 Очнулся Руской. Передъ нимъ,
 Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
 Споилъ Черкешенка младая.
 На дѣву, молча, смотритъ онъ,

И мыслить: это лживый сонъ,
 Успалыхъ чувствъ игра пустая.
 Луною чутъ озарена,
 Съ улыбкой жалости отрадной
 Колѣна преклонивъ, она
 Къ его успамъ кумысъ (6) прохладной
 Подноситъ тихою рукой.
 Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
 Онъ ловилъ жадною душой
 Пріятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры дѣвы молодой.
 Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
 Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
 Но голосъ нѣжный говоритъ:
 Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
 И онъ, собравъ оспатокъ силъ,
 Велѣнью милому покорной,
 Привсталъ, и чашей благопворной
 Томленье жажды утолилъ.
 Потомъ на камень вновь склонился
 Отягощеною главой;
 Но все къ Черкешенкѣ младой
 Угасшій взоръ его спрелился.
 И долго, долго передъ нимъ

Она, задумчива, сидѣла;
 Какъ бы участіемъ нѣмымъ
 Упѣшилъ плѣнника хопѣла;
 Успа невольно каждый часъ
 Съ начатой рѣчью открывались;
 Она вздыхала, и не разъ
 Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ пѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у спада
 Проводилъ плѣнникъ каждый день.
 Пещеры племная прохлада
 Его скрываепъ въ лѣпній зной;
 Когда же рогъ луны сребристой
 Блеснетъ за мрачною горой,
 Черкешенка, тропой пѣнистой,
 Приноситъ плѣннику вино,
 Кумысъ, и ульевъ сопѣ душистой,
 И бѣлосѣжное пшено;
 Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ;
 На немъ покоитъ нѣжный взоръ;
 Съ неясной рѣчью сливаепъ
 Очей и знаковъ разговоръ;
 Поетъ ему и пѣсни горь,

И пѣсни Грузіи счастливой,
 И памяти неперпѣливої
 Передаетъ языкъ чужой.
 Впервые дѣвственной душой
 Она любила, знала счастье;
 Но Русской жизни молодой
 Давно упратилъ сладоспрастье:
 Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
 Любви младенческой, открытої —
 Быть можетъ, сонъ любви забытої
 Боялся онъ воспоминать.

Не вдругъ уянеть наша младость,
 Не вдругъ воспорги бросятъ насть,
 И неожиданную радость
 Еще обнимемъ мы не разъ:
 Но вы, живыя впечатлѣнья,
 Первоначальная любовь,
 О первый пламень упоенья,
 Не прилепаете вы вновь.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
 Къ унылой жизни привыкалъ.
 Тоску неволи, жаръ мятежный,

Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
 Влачаясь межъ угрюмыхъ скалъ,
 Въ часъ ранней, утренней прохлады,
 Вперялъ онъ неподвижный взоръ
 На отдаленныя громады
 Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя карпины!
 Пресипы вѣчные снѣговъ,
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колосъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блестяща ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Бѣлъ на небѣ голубомъ.(8)
 Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
 Предпеча бури, громъ гремѣлъ,
 Какъ часпо пѣнникъ надъ ауломъ,
 Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
 У ногъ его дымились тучи,
 Въ степи взвивался прахъ лепучій;
 Уже приюта между скалъ
 Еленъ испуганный искалъ;
 Орлы съ упесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;

*

Шумъ шабуновъ, мычанье спадъ
 Ужъ гласомъ бури заглушались . . .
 И вдругъ на долы дождь и градъ
 Изъ пучъ сквозь молній извергались;
 Волнами роя крупизны,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли попоки дождевые —
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за пучей громовою,
 Возврата солнечнаго ждалъ,
 Недосягаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радоспью внималъ.

Но Европейца все вниманье
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
 Любиль ихъ жизни проспопту,
 Гостепріимство, жажду брани,
 Движеній вольныхъ быспропту,
 И легкость ногъ, и силу длани;
 Смотрѣлъ по цѣльямъ онъ часамъ,
 Какъ иногда Черкесъ проворной,

Широкой степью, по горамъ,
 Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ чёрной,
 Къ лукѣ склоняясь, на спремена
 Ногою спройной опираясь,
 Лепталъ по волѣ скакуна,
 Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
 Онъ любовался красотой
 Одежды бранной и проспой.
 Черкесь оружіемъ обвѣщенъ;
 Онъ имъ гордишся, имъ упѣшенъ:
 На немъ броня, пищаль, колчанъ,
 Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
 И шашка, вѣчная подруга
 Его трудовъ, его досуга.
 Ничто его не пяготипъ,
 Ничто не брякнепъ: пѣшій, конный —
 Все попть же онъ; все попть же видъ
 Непобѣдимый, непреклонный.
 Гроза безпечныхъ казаковъ,
 Его богатство — конь репивый,
 Пипомецъ горскихъ табуновъ,
 Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
 Въ пещерѣ иль правѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ паится,

И вдругъ, внезапною спрѣлой,
 Завида пупника, спремится;
 Во одно мгновенье вѣрный бой
 Рѣшилъ ударъ его могучий,
 И странника въ ущелья горъ
 Уже влечепѣ арканъ лепучій.
 Спремится конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной опваги;
 Все пушь ему: болото, боръ,
 Кусты, упесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пустынѣ плопотъ раздаєтсѧ;
 Сѣдой попокъ предъ нимъ шумитъ —
 Онъ въ глубь кипящую несетсѧ;
 И пупникъ, брошенный ко дну,
 Гломаетъ мутную волну,
 Изнемогая смерти просипъ
 И зришъ ее передъ собой...
 Но мощный конь его — спрѣлой
 На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ пеленою

Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
 Черкесъ на корни вѣковые,
 На вѣтви вѣщаепъ кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щипть, бурку, панцирь и шеломъ,
 Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
 За нимъ бросаєтъ попомъ
 Неупомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ;
 Могучій шокъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копья, казаки
 Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
 И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плытъ оружіе злодѣя . . .

О чемъ ты думаешьъ, казакъ?
 Вспоминаешь прежни битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молитвы
 И родину? . . . Коварный сонъ!
 Проспите, вольныя спаницы,
 И домъ опцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!

Къ брегамъ причалилъ пѣный врагъ ,
 Спрѣла выходитъ изъ колчана —
 Взвилась — и падаепъ казакъ
 Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семѣй
 Черкесъ въ опеческомъ жилищѣ
 Сидитъ ненаспиною порой
 И плѣютъ угли въ пепелищѣ ;
 И спрянувъ съ вѣриаго коня ,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый ,
 Къ нему войдепъ пришлецъ успальй
 И робко сядепъ у огня :
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣтомъ , ласково , вспаепъ ,
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь ⁽⁹⁾ отрадный подаепъ .
 Подъ влажной буркой , въ саклѣ дымной ,
 Вкушаепъ пупникъ мирный сонъ ,
 И упромъ осипавляетъ онъ
 Ночлега кровъ госпепріимной . ⁽¹⁰⁾

Бывало , въ свѣтлый Баиранъ ⁽¹¹⁾
 Сбераупся юноши шолпою ;

Игра смыняется игрою:
 То полный разобравъ колчанъ,
 Они крылатыми спрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
 То съ высоты крупныхъ холмовъ
 Неперпѣливыми рядами,
 При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
 Какъ лани землю поражаютъ,
 Равнину пылью покрываютъ
 И съ дружнымъ попотомъ бѣгутъ.

Но скучень миръ однообразной
 Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
 И часпо игры воли праздной
 Игрой жестокой смущены.
 Нерѣдко шашки грозно блещутъ
 Въ безумной рѣзвости пировъ,
 И въ прахъ лепятъ главы рабовъ,
 И въ радости младенцы плещутъ.

Но Руской равнодушно зрељъ
 Си кровавыя забавы.
 Любиль онъ прежде игры славы
 И жаждой гибели горѣлъ.

Невольникъ чеспи безпощадной,
 Вблизи видаль онъ свой конецъ,
 На поединкахъ пвердый, хладной,
 Вспрѣчая гибельный свинецъ.

 Быть можетъ, въ думу погруженный,
 Онъ время по воспоминаль,
 Когда, друзьями окруженный,
 Онъ съ ними шумно пировалъ . . .

 Жалѣль ли онъ о дняхъ минувшихъ,
 О дняхъ надежду обманувшихъ,
 Иль, любопытный, созерцалъ
 Суровой проспопы забавы,
 И дикаго народа нравы
 Въ семь вѣрномъ зеркалъ читпалъ —
 Таимъ въ молчаныи онъ глубокомъ
 Движенья сердца своего,
 И на челѣ его высокомъ
 Не измѣнялось ничего.

 Безпечной смѣлости его
 Черкесы грозные дивились ,
 Щадили вѣкъ его младой
 И шопотомъ между собой
 Своей добычею гордились.

Ч А С Т Ъ II.

Ты ихъ узнала , дѣва горъ ,
Восторги сердца , жизни сладость ;
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость .
Когда твой другъ во пмѣ ночной
Тебя лобзаль нѣмымъ лобзаньемъ ,
Сгарая нѣгой и желаньемъ ,
Ты забывала міръ земной ,
Ты говорила : плѣнникъ милый ,
Развесели свой взоръ унылый ,
Склонись главой ко мнѣ на грудь ,
Свободу , родину забудь .
Скрываясь рада я въ пустынѣ
Съ тобою , царь души моей !
Люби меня ; никто донынѣ
Не цѣловалъ моихъ очей ;
Къ моей поспелъ одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной ;

Слыву я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красотой.
 Я знаю жребій мнѣ гоповий:
 Меня отецъ и братъ суровый
 Немилому продать хотятъ
 Въ чужой аулъ цѣною злата;
 Но умолю отца и брата;
 Не то — найду кинжалъ иль ядъ.
 Непоспижимой, чудной силой
 Къ тебѣ я вся привлечена;
 Люблю тебя, невольникъ милой,
 Душа тобой упоена . . .

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
 На дѣву спраспную взиралъ,
 И полный пляжкимъ размыщленьемъ
 Словамъ любви ея внималъ.
 Онъ забывался: въ немъ пѣснились
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покапились.
 Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
 Тоска любви безъ упованья.

Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои спраданья.

« Забудь меня: пвоей любви,
Твоихъ воспорговъ я не спою.
Безцѣнныхъ дней не пратъ со мною;
Другаго юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнишъ
Моей души печальный хладъ;
Онъ будеъ вѣренъ, онъ оцѣнишъ
Твою красу, пвой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаний,
И нѣжносТЬ пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенъя, безъ желаній
Я вяну жерпвою спраспей.
Ты видишъ слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оспавь меня; но пожалѣй
О скорбной участии моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ пѣ дни, какъ вѣриль я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ!
Но поздно: умеръ я для счастья,

Надежды призракъ улетѣль;
 Твой другъ опивыкъ опъ сладоспрастья,
 Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣль . . .

« Какъ пяжко мерпвыми успами
 Живымъ лобзаньямъ опвѣчать,
 И очи полныя слезами
 Улыбкой хладною вспрѣчать!
 Измучась ревноспью напрасной,
 Уснувъ безчувственной душой,
 Въ объятіяхъ подруги спрасниной,
 Какъ пяжко мыслишь о другой! . . .

« Когда пакъ медленно, пакъ нѣжно,
 Ты пьешь лобзанія мои,
 И для тебя часы любви
 Проходяти быстрио, безмятежно;
 Снѣдая слезы въ пишинѣ,
 Тогда, разсѣянный, унылый,
 Передъ собою, какъ во снѣ,
 Я вижу образъ вѣчно милый;
 Его зову, къ нему спремлюсь,
 Молчу, не вижу, не внимаю;
 Тебѣ въ забвеньи предаюсь

И пайный призракъ обнимаю;
 О немъ въ пустынѣ слезы лью;
 Повсюду онъ со мною бродилъ
 И мрачную тоску наводилъ
 На душу сирую мою.

« Оспавь же мнѣ мои желѣзы,
 Уединенные мечты,
 Воспоминанья, грустъ и слезы:
 Ихъ раздѣлить не можешьъ ты.
 Ты сердца слышала признанье;
 Проспи . . . дай руку — на прощенье.
 Недолго женскую любовь
 Печалилъ хладная разлука:
 Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
 Красавица полюбила вновь. »

Раскрывъ успа, безъ слезъ рыдая,
 Сидѣла дѣва молодая:
 Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ;
 Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
 Въ рукахъ любовника лежала
 Ея холодная рука;

И наконецъ любви поска
Въ печальной рѣчи излилася.

« Ахъ, Руской, Руской, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва опдыхала;
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придуши ли вновь когда нибудь?
Уже ль навѣкъ погибла радость? ...
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою припворной;
Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я сперегла бъ минуты сна,
Покой поскущааго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, Руской? мы любимъ? ...
Понятны мнѣ твои спраданья ...

Прости жь и ты мои рыданья,
Не смейся гореспямы моимъ. »

Умолкла. Слезы и спенанья
Спѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Успа безъ словъ роптали пѣни.
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могла дохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
« Не плачь: и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыпалъ.
Нѣпъ, я не зналъ любви взаимной:
Любиль одинъ, спрадаль одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали береговъ желанныхъ;
Мнѣ буде путь гробомъ эпа степь;
Здѣсь на коспяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ пягостная цѣпь . . . »

Свѣшила ночи запмевались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣплоснѣжныхъ горъ;

*

Главу склонивъ, попутя взоръ,
Они въ безмолвіи разспались.

Унылый плѣнникъ съ эпихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродитъ.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вопище свободы жаждетъ онъ.
Мелькнестъ ли серна межъ кустами,
Прокачаетъ ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, всыхнувъ, загремитъ цѣнями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночний ауловъ разорипель,
Рабовъ опважный избавипель.
Зовеptъ... но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся бушуя,
И человѣка звѣрь почуж
Въ пустыню племную бѣжитъ.

Однажды слышитъ Руской плѣнныи,
Въ горахъ раздался кликъ военныи:
« Въ шабунъ, въ шабунъ! « Бѣгутъ, шумятъ;
Узечки мѣдныя гремятъ,

Чернѣють бурки, блещутъ брони,
 Кипятъ осѣдланныя кони,
 Къ набѣгу весь аулъ гоповъ,
 И дикие пипомцы браны
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,
 И скачутъ по брегамъ Кубани
 Сбирать насильственныя дани.

Упихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
 У саклей псы спорожевые.
 Младенцы смуглые, нагіе
 Въ свободной рѣзвости шумятъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ:
 Изъ прубокъ дымъ віась синѣетъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушаютъ припѣвъ,
 И спарцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Казакъ усталый задремалъ,
 Склонясь на копіе спальное.

Не спи казакъ: во пмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на членокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣпи.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ шонупъ маленькия дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтупъ богатыя спаницы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, Рускія пѣвицы;
Спѣшице, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаеши Рускій о побѣгѣ;
Но цѣль невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка . . .
Межъ пѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скаль омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула

Мелькаетъ блѣдныи свѣтъ луны;
 Елени дремлють надъ водами,
 Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
 И глухо впорится горами
 Далекій шопотъ шабуновъ.

Тогда кого-то слышно спало,
 Мелькнуло дѣвы покрывало,
 И вопъ — печальна и блѣдна
 Къ нему приблизилась она.
 Успа прекрасной ишупъ рѣчи;
 Глаза исполнены поской,
 И черной падаютъ волной
 Ея власы на грудь и плечи.
 Въ одной рукѣ блеститъ пила,
 Въ другой кинжалъ ея булапный:
 Казалось, будто дѣва шла
 На шайный бой, на подвигъ рапиний.

На плѣнника возведши взоръ,
 «Бѣги, сказала дѣва горъ:
 Нигдѣ Черкесъ тебя не встрѣтишъ.
 Спѣши, не пратъ ночныхъ часовъ;

Возми кинжалъ: пивоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтишъ. »

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Внѣжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скапилась —
И цѣнь распалась и гремитъ.
« Ты воленъ, дѣва говориши,
Бѣги! » Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она спрадала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
« О другъ мой! Руской возопилъ,
Я твой навѣкъ, я твой до гроба.
Ужасный край оспавимъ оба,
Бѣги со мной... » — Нѣтъ, Руской, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно ль? ты любилъ другую!...
Найди ее, люби ее;
О чемъ же я еще споскую?
О чемъ уныніе мое?...»

Проспи! любви благословенъя
 Съ тобою будущъ каждый часъ.
 Проспи — забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ. —

Къ Черкешенкѣ просперъ онъ руки,
 Воскресшимъ сердцемъ къ ней лепѣль,
 И долгій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣль.
 Рука съ рукой, унынья полны,
 Сошли ко брегу въ шишинѣ —
 И Руской въ шумной глубинѣ
 Уже плыветъ и пѣнишь волны,
 Уже пропивныхъ скаль доспигъ,
 Уже хватаетсѧ за нихъ...
 Вдругъ волны глухо зашумѣли,
 И слышенъ отдаленный спонъ...
 На дикий брегъ выходишъ онъ,
 Глядипъ назадъ... брега ясиѣли
 И опѣненные бѣлѣли;
 Но нѣпъ Черкешенки младой
 Ни у бреговъ, ни подъ горой....
 Все мершво... на брегахъ уснувшихъ
 Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,

**И при лунѣ въ водахъ пlesнувшихъ
Спруиспѣй исчезаетъ кругъ.**

Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнныи спадо пасъ,
Спремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень опѣыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣль на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на шемный долъ,
Взошла заря. Тропой далёкой
Освобожденный плѣнникъ шёль,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали Рускіе шпыки
И окликались на курганахъ
Спорожевые казаки.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ музъ, легкой другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи лепала
И для вѣнка себѣ сривала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часпо въ сей одѣждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась піамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсень и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторить она
Преданья грознаго Кавказа;

Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава (12) древній поединокъ,
 Измѣны, гибель Россіянъ
 На лонѣ мспипельныхъ Грузинокъ:
 И воспою топтъ славный часъ,
 Когда, почуж бой кровавый,
 На негодуюцій Кавказъ
 Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
 Когда на Терекѣ сѣдомъ
 Впервые грянуль битвы громъ
 И грохопѣ Рускихъ барабановъ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзоспинмъ чelомъ,
 Явился пылкій Цицановъ;
 Тебя я воспою, герой,
 О Копляревскій, бичъ Кавказа!
 Куда ни мчался ты грозой —
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ,ничпожилъ племена . . .
 Ты днесъ покинуль саблю меспии,
 Тебя не радуетъ война;
 Скучая миромъ, въ язвахъ чеспи,
 Вкушаешь праздный ты покой
 И пишину домашнихъ доловъ . . .
 Но се — воспокъ подъемлетъ вой! . .

Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ: идеть Ермоловъ !

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Рускому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васть наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Башня,
Измѣнишь прадѣдамъ Кавказъ,
Забудешь амчной браны гласъ,
Оспавишь спрѣмы боевыея.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подѣшишь пушникъ безъ боязни,
И возвѣспишь о вашей казни
Преданья темныя молвы.

ПРИМЪЧАНИЯ.

(1.) *Бештуг*, или, правильнѣе, *Бештау*, Кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

(2.) *Аулъ*. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

(3.) *Узденъ*, начальникъ или князь.

(4.) *Шашка*, Черкесская сабля.

(5.) *Сакля*, хижина.

(6.) *Кумысъ* дѣлается изъ кобыльяго молока: напипокъ сей въ большомъ употреблениі между всѣми Горскими и кочующими народами Азіи. Отъ довольно пріятель вкусу и починается весьма здоровымъ.

(7.) Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждає сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчию ею претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большой части зауныны. Онѣ славяще минутные усиѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героеvъ: Бакунина и Цицанова — измѣны, убийства, иногда любовь и наслажденія.

(8.) Державинъ, въ превосходной своей одѣ граfu Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ спрофахъ дикія картины Кавказа:

О юный вождь, сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣль ужасы, красы природы:
Какъ съ ребръ шамъ страшныхъ горъ ліясь,
Ревущъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ чель ихъ съ грохопомъ сиѣга
Надушъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склониетъ рога,

Зряпъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ.

Ты зре́ль, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ, играя, опражаясь,
Великолѣпный кажупъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣвалъ
Тамъ брызгахъ, шонкій дождь гориши;
Какъ глыба шамъ сизояншарна,
Навѣсясь, смошиши въ шемный боръ;
А тамъ заря злапобагряна
Сквозь лѣсь увеселешъ взоръ.

Жуковскій, въ своеи посланіи къ г-ну Воейкову, такжে посвящающъ нѣсколько прелестныхъ спиховъ описанію Кавказа:

Ты зре́ль, какъ Терекъ въ быспромъ бѣгъ
Межъ виноградниковъ шумѣль,
Гдѣ, часпо припаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль Черкесъ сидѣль,
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ шобой,
Одѣпы голубымъ шуманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ шуча, Эльборусъ двуглавой.
Ужасною и величавой
Тамъ все бліспашеши красопой:
Упесовъ мщиспныя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады

Во мракъ пучинъ съ граничныхъ скаль;
 Лѣса, копорыхъ сна опь вѣка
 Ни спукъ сѣкиръ, ни человѣка
 Веселый гласъ не возмущалъ,
 Въ копорыхъ сумрачныя сѣни
 Еще лучъ дневный не проникъ,
 Гдѣ изрѣдка одни елени,
 Орла послышавъ грозный крикъ,
 Тѣснясь въ шолпу, шумяшъ вѣтвями,
 И козы легкими ногами
 Перебѣгающъ по скаламъ.
 Тамъ все являешся очамъ
 Великолѣпіе шворенья!
 Но шамъ, среди уединенья
 Долинъ, шаящихся въ горахъ,
 Гнѣздашъ и Балкаръ, и Бахъ,
 И Абазехъ, и Камуцинецъ,
 И Корбулакъ, и Албазинецъ,
 И Чечереецъ, и Шапсукъ.
 Пищаъ, кольчуга, сабля, лукъ,
 И конь, сорашникъ быстроногий —
 Ихъ и сокровища и боги;
 Какъ серны скачушъ по горамъ,
 Бросаюшъ смершъ изъ-за ушеса;
 Или по шонкимъ берегамъ,
 Въправѣ высокой въ чащѣ лѣса
 Разсыпавшись, добычи ждуши;
 Скалы свободы ихъ пріюти.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
 На косыняхъ угрюмой лѣни:
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; спѣснясь въ кружокъ,
 И въ брашкій съ шабакомъ горшокъ

*

Вонзивши чубуки, какъ шѣни
 Въ дыму клубящемся сидяшъ
 И объ убийствахъ говоряшъ ;
 Иль хвалишъ мѣнкія пищали,
 Изъ коихъ дѣды ихъ спрѣляли ;
 Иль сабли на кремняхъ осиряшъ,
 Готовясь на убийства новы.

(9.) *Чихирь*, красное Грузинское вино.

(10.) Черкесы , какъ и вѣдь дикіе народы, опличаюшся предъ нами господствомъ. Госпѣ спасовиша для нихъ свящею особою. Преданъ его или не защищашъ, почишаешся межъ ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (ш. е. пріятель, знакомецъ) ощѣчаешь жизню за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубишися въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

(11.) *Байранъ* или *Байрамъ*, праздникъ разговѣнья. *Рамазанъ*, Музульманскій постъ.

(12.) Мспиславъ, сынъ св. Владимира, прозванный *Удалымъ*, удѣльный князь Тмутаракана (оспрѣвъ Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

**БАХЧИСАРАЙСКІЙ
ФОНТАНЪ.**

Гирей сидѣлъ, попутя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно работѣпный дворъ
Вокругъ хана грознаго пѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, все чипали
Примѣты гиѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой неперпѣливой:
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ черпогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ.
Живѣе спрогое чело
Волненье сердца выражаетъ.
Такъ бурны пути отражаютъ
Залива зыбкое спекло.

Что движетъ гордою душою?
 Какою мыслью занятъ онъ?
 На Русь ли вновь идетъ войною,
 Несетъ ли Польшъ свой законъ,
 Горитъ ли месцю кровавой,
 Опкрылъ ли въ войскѣ заговоръ,
 Спрашивается ли народовъ горъ,
 Иль козней Генуи лукавой?

Нѣть, онъ скучаетъ бранной славой,
 Успала грозная рука;
 Война опять мыслей далека.

Уже ль въ его гаремъ измѣна
 Спезей преспутиною вошла,
 И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
 Гяуру сердце отдала?

Нѣть, жены робкія Гирея,
 Ни думать, ни жалеть не смѣя,
 Цвѣтутъ въ унылой пишинѣ;
 Подъ спражей бдительной и хладной
 На лонѣ скуки безопрадной
 Измѣнъ не вѣдаютъ онъ.
<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Въ пѣни хранительной шемницы
 Упакены ихъ красопы:
 Такъ аравійскіе цвѣты
 Живутъ заспеклами теплицы.
 Для нихъ унылой чередой
 Дни, мѣсяцы, лѣта проходяще
 И непримѣнно за собой
 И младость и любовь уводятъ.
 Однообразенъ каждый день,
 И медленно часовъ теченье.
 Въ гаремѣ жизнью правилъ лѣнъ;
 Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
 Младыя жены, какъ нибудь
 Желая сердце обмануть,
 Мѣняютъ пышные уборы,
 Заводятъ игры, разговоры,
 Или при шумѣ водъ живыхъ,
 Надъ ихъ прозрачными спруями
 Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
 Гуляютъ легкими роями.
 Межъ ними ходитъ злой эвинухъ,
 И убѣгать его напрасно:
 Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуетъ всечасно.

Его спараньемъ заведёнъ
 Порядокъ вѣчный. Воля хана
 Ему единственный законъ;
 Святую заповѣдь Корана
 Не спроже наблюдаетъ онъ.
 Его душа любви не проситъ;
 Какъ испуканъ, онъ переноситъ
 Насмѣшки, ненависть, укоръ,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣніе, просьбы, робкій взоръ,
 И тихій вздохъ, и ролотъ тѣмной.
 Ему извѣстенъ женскій нравъ;
 Онъ испыпалъ, сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и въ неволѣ:
 Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
 Невласпны надъ его душой;
 Онъ имъ уже не вѣрилъ болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
 Какъ идутъ плѣнницы младыя
 Купаются въ жаркіе часы,
 И льются волны ключевыея
 На ихъ волшебныя красы,
 Забавъ ихъ спорожъ неоплучный,

Онъ шупть; онъ видитъ , равнодушный,
 Прелестницъ обнаженный рой;
 Онъ по гарему въ пмѣ ночной
 Неслышными шагами бродитъ:
 Ступая тихо по коврамъ ,
 Къ послушнымъ крадеся дверямъ ,
 Опѣ ложа къ ложу переходитъ;
 Въ забопѣ вѣчной, ханскихъ жёнъ
 Роскошный наблюдаетъ сонъ ,
 Ночной подслушиваетъ лепетъ;
 Дыханье , вздохъ , малѣйшій препетъ ,
 Все жадно примѣчааетъ онъ:
 И горе той, чей шопотъ сонной
 Чужое имя призывалъ ,
 Или подругѣ благосклонной
 Порочны мысли довѣрялъ !

Чпожъ полонъ грусти умъ Гирея?
 Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
 Недвижимъ и дохнутъ не смѣя,
 У двери знака ждетъ эвнухъ.
 Вспаепъ задумчивый власпицель:
 Предъ нимъ дверь настежь. Молча , онъ

Идепъ въ завѣтную обицель
Еще недавно милыхъ жёнъ.

Безлечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонпана
На шелковыхъ коврахъ онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣлской радоспью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ пѣмъ
Шербетъ носили ароматной
И пѣснию звонкой и прѣятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруенъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Меку
На спаросии печальныхъ лѣпъ.

2.

« Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Свою смертью освятилъ:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой спрасной полетитъ.

3.

« Но топъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ пишинѣ гарема
Лелѣепъ, милая, тебѧ. »

Онъ поюпъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило сї:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;

Твои плѣнипельные очи
 Яснѣе дня, чернѣе ночи.
 Чей голосъ выразитъ сильнѣй
 Порывы пламенныхъ желаній?
 Чей спраспній поцѣлуй живѣй
 Твоихъ язвипельныхъ лобзаній?
 Какъ сердце, полное тобой,
 Забываетъ для красы чужой?
 Но, равнодушный и жестокой,
 Гирей презрѣлъ твои красы
 И ночи хладные часы
 Проводитъ мрачный, одинокой
 Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
 Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
 Узрѣла небеса чужія;
 Недавно милою красой
 Она цвѣла въ странѣ родной;
 Сѣдой отецъ гордился ею
 И звалъ отрадою своею.
 Для спарика была законъ
 Ея младенческая воля.
 Одну заботу вѣдалъ онъ,

Чтобъ дочери любимой доля
 Была, какъ вешній день, ясна,
 Чтобъ и минутныя печали
 Ея души не помрачали,
 Чтобъ даже замужемъ она
 Воспоминала съ умиленьемъ
 Дѣвичье время, дни забавъ,
 Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
 Все въ ней плѣняло: птицій нравъ,
 Движенья спройныя, живыя
 И очи пламно-голубыя.
 Природы милые дары
 Она искусствомъ украшала;
 Она домашніе пиры
 Волшебной арфой оживляла;
 Толпы вельможъ и богачей
 Руки Маріиной искали,
 И много юношей по ней
 Въ спраданьѣ пѣномъ изнывали.
 Но въ пишинѣ души своей
 Она любви еще не знала
 И независимый досугъ
 Въ опцовскомъ замкѣ межъ подругъ
 Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тмы Тапарь
 На Польшу хлынули рѣкою:
 Не съ споль ужасной быстротою
 По жатвѣ спелепся пожаръ.
 Обезображеный войною,
 Цвѣпущій край осиротѣль;
 Исчезли мирныя забавы;
 Уныли села и дубравы,
 И пышный замокъ опустѣль.
 Тиха Маріина свѣтилица . . .
 Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
 Почиопть мощи хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
 Воздвиглась новая гробница . . .
 Опецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
 Скупой наследникъ въ замкѣ правилъ
 И пягостнымъ яромъ безславилъ
 Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарай
 Скрываєть юную княжну:
 Въ неволѣ тихой увядая,
 Марія плачетъ и груститъ.
 Гирей нещастную щадить:

Ея унынье, слезы, споны
 Тревожашъ хана крапкій сонъ,
 И для нея смягчаепъ онъ
 Гарема спротогіе законы.
 Угрюмый спорожъ ханскихъ жёнъ
 Ни днемъ, ни ночью къ ней не входиши;
 Рукой забопливой не онъ
 На ложе сна ее возводиши;
 Не смѣешъ успремиши къ ней
 Обидный взоръ его очей;
 Она въ купальнѣ попаеной
 Одна съ невольницей своей;
 Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
 Печальный возмущать покой;
 Гарема въ дальнемъ отдѣленьѣ
 Позволено ей жить одной:
 И, мниши, въ помъ уединенъ
 Сокрылся иѣкто неземной.
 Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ лицомъ Дѣвы Пресвятой;
 Души шоскующей опрада,
 Тамъ упованье въ пишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обишаєшъ,
 И сердцу все напоминаешъ

О близкой лучшей споронѣ . . .
 Тамъ дѣва слезы проливаєтъ
 Вдали зависливыхъ подругъ;
 И между пѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ упопаєтъ,
 Святыню спрогою скрываєтъ
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жерпва заблужденій,
 Среди порочныхъ упоеній,
 Хранитъ одинъ святый залогъ,
 Одно божественное чувство . . .

Настала ночь; покрылись пѣнью
 Тавриды сладоспиной поля;
 Вдали подъ пихой лавровъ сѣнью
 Я слышу пѣнье соловья;
 За хоромъ звѣздъ луна возходитъ;
 Она съ безоблачныхъ небесъ
 На долы, на холмы, на лѣсъ
 Сиянье пломное наводитъ.
 Покрыты бѣлой пеленой,
 Какъ пѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Бахчисарай,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,

Проспыхъ Ташаръ спѣщацъ супруги
 Дѣлилъ вечерніе досуги.
 Дворецъ утихъ; уснуль гаремъ,
 Объятый нѣгой безмятежной;
 Не прерываєтсѧ ничѣмъ
 Спокойствіо ночи. Спражъ надежной,
 Дозоромъ обошелъ эвиухъ.
 Теперь онъ спишъ; но спрахъ прилѣжной
 Тревожитъ въ немъ и сияцій духъ.
 Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даепъ уму.
 То чей-то шорохъ, то шептанье,
 То крики чудяцся ему;
 Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
 Онъ пробуждаєтсѧ, дрожитъ,
 Напуганнымъ приникнувъ ухомъ . . .
 Но все кругомъ него молчипъ;
 Одни фонпаны сладкозвучны
 Изъ мраморной темницы бьюопъ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракѣ соловьи поюопъ;
 Эвиухъ еще имъ долго внемлеть,
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы тѣмныя красы
 Ночей роскошнаго воспоку!
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожателей Пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ шиши гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и пишины
 И вдохновеній сладостраспнныхъ!

Всѣ жены спяще. Не спитъ одна.
 Евда дыша, вспаепть она;
 Идетъ; рукою торопливой
 Открыла дверь; во шмѣ ночной
 Ступаетъ легкою ногой . . .
 Въ дремотѣ чушкой и пугливой
 Предъ ней лежитъ эвнухъ сѣдой.
 Ахъ, сердце въ немъ неумолимо:
 Обманчивъ сна его покой! . . .
 Какъ духъ, она проходила мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣніемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка . . .

Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
 И пытный спрахъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивопгъ, печально озареный,
 Пречистой Дѣвы крохоткій ликъ
 И Креспъ, любви символъ священный...
 Грузинка, все въ душѣ твоей
 Родное что - то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невнятно вдругъ заговорило,
 Предъ ней покоилась княжна,
 И жаромъ дѣвственаго сна
 Ея ланины оживлялись
 И, слезъ являя свѣжий слѣдъ,
 Улыбкой помной озарялись:
 Такъ озаряется лунный свѣтъ
 Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
 Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
 Казалось, ангель почиваль
 И сонный слезы проливаль
 О бѣдной плѣнницѣ гарема...
 Увы, Зарема, чѣо съ тобой!
 Спѣснилась грудь ея послой,
 Невольно клонялся колѣни,

И молиць: « сжалъся надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій! » . . .
 Ея слова, движенье, споинъ
 Прервали дѣвы тихій сонъ.
 Княжна со спрахомъ предъ собою
 Младую незнакомку зриць;
 Въ смятеньѣ, трепетной рукою
 Ее подъемля, говориць:
 « Кто ты? . . . Одна, порой ночью,
 Зачѣмъ ты здѣсь? » — Я шла къ тебѣ:
 Спаси меня; въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осипалась . . .
 Я долго счастльемъ наслаждалась,
 Была безпечнѣй день опіь дня . . .
 И пѣнь блаженства миновала;
 Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко . . . но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донынѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Попоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,

Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,
 Не знаю; помню только море
 И человѣка въ вышинѣ
 Надъ парусами . . .

Спрахъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ;
 Я въ безмятежной пишинѣ
 Въ пѣни гарема разцвѣтала
 И первыхъ опытовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья шайныя мои
 Сбылись. Гирей для мирной нѣги
 Войну кровавую презрѣлъ,
 Пресѣкъ ужасные набѣги
 И свой гаремъ опять узрѣлъ.
 Предъ хана въ смутномъ ожиданїѣ
 Предспали мы. Онъ свѣплый взоръ
 Остановилъ на мнѣ въ молчанїѣ,
 Позвалъ меня . . . и съ эпихъ поръ
 Мы въ безпрерывномъupoенїѣ
 Дышали счастьемъ; и не разъ
 Ни клевета, ни подозрѣніе,

Ни злобной ревности мученье,
 Ни скука не смущала нась.
 Марія, ты предъ нимъ явилась . . .
 Увы, съ тѣхъ поръ его душа
 Преступной думой омрачилась!
 Гирей, измѣною дыша,
 Моихъ не слушаешь укоровъ;
 Ему докученъ сердца спонъ;
 Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
 Со мною не находишь онъ.
 Ты преступленью не причастна;
 Я знаю, не твоя вина . . .
 И пакъ послушай: я прекрасна;
 Во всемъ гаремъ ты одна
 Могла бъ еще мнѣ бытъ опасна;
 Но я для спасти рождена,
 Но ты любишь, какъ я, не можешь;
 Зачѣмъ же хладной красотой
 Ты сердце слабое превожишь?
 Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
 На мнѣ горячъ его лбзанья,
 Онъ клятвы спрашныя мнѣ далъ,
 Давно всѣ думы, всѣ желанья
 Гирей съ моими сочепаль;

Меня убьепъ его измѣна . . .
 Я плачу? видиши, я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобой,
 Молю, винипъ тебя не смѣя,
 Отдай мнѣ радоспъ и покой,
 Отдай мнѣ прежняго Гирея . . .
 Не возражай мнѣ ничего;
 Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
 Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
 Чѣмъ хочешь, опѣрати его;
 Клянись . . . (хопъ я для Алкорана,
 Между невольницами хана,
 Забыла вѣру прежнихъ дней;
 Но вѣра матери моей
 Была швоя) клянись мнѣ ею
 Зарему возвратишъ Гирею . . .
 Но слушай: если я должна
 Тебѣ . . . кинжаломъ я владѣю,
 Я близъ Кавказа рождена. »

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
 Не смѣяспъ слѣдовати княжна.
 Невинной дѣвѣ непонятенъ
 Языкъ мучительныхъ спрасней:

Но голосъ ихъ ей смущно внятень,
 Онъ спраненъ, онъ ужасенъ ей.
 Какія слезы и моленья
 Ее спасутъ отъ посрамленья?
 Чѣмъ ждепть ее? Уже ли ей
 Оспапокъ горькихъ юныхъ дней
 Провесить наложницей презрѣнной?
 О Боже! если бы Гирей
 Въ ея тщемицѣ отдаленной
 Забыть несчастную навѣкъ,
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ;
 Съ какою бѣ радостью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновенія жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Чѣмъ дѣлать ейъ въ пустынѣ міра?
 Ужъ ейъ пора, Марію ждути,
 И въ небеса на лоно мира
 Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
 Мгновенно сирота почила.
 Она давно-желанный свѣтъ,

Какъ новый ангель, озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Болѣзнь, или другое зло,
 Кто знаепъ? Нѣпъ Маріи нѣжной! . . .
 Дворецъ угрюмый опуспѣль;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ шолпой Татпаръ въ чужой предѣль
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный:
 Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
 Таинится пламень безопрадный.
 Онъ часпо въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ остаепся вдругъ,
 Глядитъ съ безумiemъ вокругъ,
 Блѣдишъ, будто полный спраха,
 И чпо-то шепченъ, и порой
 Горючи слезы льепъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
 Гаремъ не зрипъ его лица;
 Тамъ, обреченные мученью,

Какъ новый ангель, озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Болѣзнь, или другое зло,
 Кто знаепъ? Нѣпъ Маріи нѣжной! . . .
 Дворецъ угрюмый опуспѣль;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ шолпой Татпаръ въ чужой предѣль
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный:
 Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
 Таинится пламень безопрадный.
 Онъ часпо въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ остаепся вдругъ,
 Глядитъ съ безумiemъ вокругъ,
 Блѣдишъ, будто полный спраха,
 И чпо-то шепченъ, и порой
 Горючи слезы льепъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
 Гаремъ не зрипъ его лица;
 Тамъ, обреченные мученью,

Подъ спражей хладнаго скопца
 Спарьютъ жены. Между ними
 Давно Грузинки нѣть; она
 Гарема спражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена.
 Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
 Свершилось и ея спраданье.
 Какая бъ ни была вина,
 Ужасно было наказанье!

Опустошивъ огнемъ войны
 Кавказу близкія спраны
 И села мирныя Россіи,
 Въ Тавриду возвратился ханъ
 И, въ память гореспной Маріи,
 Воздвигнулъ мраморный фонпанъ
 Въ углу дворца уединенный.
 Надъ нимъ Крестомъ осѣнена
 Магомепанская луна
 (Символъ конечно дерзновенный,
 Незнанья жалкая вина).
 Если надпись: Ѣдкими годами
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея чертами

Журчипъ во мраморъ вода
 И каплетъ хладными слезами,
 Не умолкая никогда.
 Такъ плачетъ матъ во дни печали
 О сынѣ , падшемъ на войнѣ .
 Младыя дѣвы въ гвой спранѣ
 Преданье спарины узнали,
 И мрачный памятникъ онѣ
 Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ ,
 Пиры надолго забывая ,
 Я поѣхалъ Бахчисарай
 Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ ;
 Среди безмолвныхъ переходовъ
 Бродилъ я тамъ , гдѣ , бичъ народовъ ,
 Татаринъ буйный пировалъ
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни упопалъ ,
 Еще понынѣ дышепъ иѣга
 Въ пустыхъ покояхъ и садахъ ;
 Играютъ воды , рдѣютъ розы ,
 И вьются виноградны лозы ,
 И злато блещетъ на стѣнахъ .

Я видѣлъ вепхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Янтарны разбирая чепки,
 Вздыхали жены въ пишинѣ.

Я видѣлъ ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище.

Сіи надгробные сполбы,
 Вѣнчанны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣти судьбы
 Гласили внятною молвою.

Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
 Кругомъ все тихо, все уныло,
 Все измѣнилось... но не пѣмъ
 Въ то время сердце полно было:
 Дыханье розъ, фонраповъ шумъ
 Влекли къ невольному забвению,
 Невольно предавался умъ
 Неизѣяснимому волненію,
 И по дворцу лепучей пѣнью
 Мелькала дѣва предо мной!...

Чью пѣнь, о други, видѣлъ я?
 Скажите мнѣ: чей образъ иѣжный
 Тогда преслѣдовалъ меня

Неопразимый, неизбѣжный?
 Маріи ль чистая душа
 Являлась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностпью дыша,
 Средь опустѣлага Гарема?

Я помню сполъ же милый взглядъ
 И красоту еще земную . . .

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
 Забывъ и славу и любовь,
 О, скоро васъ увижу вновь,
 Брега веселые Салгира!
 Приду на склонъ приморскихъ горъ,
 Воспоминаній тайныхъ полный,
 И вновь Таврическія волны
 Обрадуютъ мой жадный взоръ.
 Волшебный край, очей отрада!
 Все живо памъ: холмы, лѣса,
 Янтарь и яхонть винограда,
 Долинъ пріютная краса,
 И спруй и шполей прохлада;
 Все чувствъ пупника манилъ,
 Когда, въ часъ упра безмятежной,

Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ упесовъ Аю-дага . . .

Выписка изъ путешествія по Тавридѣ И. М. МуравьевА-Апостола.

I.

« Вчера ввечеру, подъѣхавъ къ Бахчисараю и спусшившись въ ущедину, въ которой онъ лежитъ, я засвѣтилъ успѣль только проѣхать длинную улицу, ведущую къ Хансараю (т. е. къ ханскому дворцу,) на воспочномъ концѣ города находящемуся. Солнца давно уже не видно было за горами, и сумракъ начинать сгущаться, когда я вспустилъ на первый дворъ *сарай*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ Таврической *Агамбры*; и чѣмъ менѣе видимы становились предметы, тѣмъ живѣе дѣлалась игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами воспочної поэзіи.

Я поведу тебѣ, мой другъ, не изъ покоеvъ, но, такъ какъ должно, опѣ вѣшнихъ воротъ, въ которыя проѣздъ съ улицы, по мосту, чрезъ узкую *гязнью рѣку* Сурукъ-су. Прошедь въ ворота, ты на первомъ дворѣ, на проспаннымъ паралелограмѣ, коего пропивоподобный входу, малый бокъ граничишь съ садовыми террасами; оба же большіе заняты на лѣвой споронѣ мечепю и службами, а съ правой дворцемъ, состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой споронѣ, чрезъ ворота, подъ спроенiemъ находящіяся, ты проходишь во внутренний дворъ, гдѣ шопчась на лѣвой рукѣ предстаютъ тебѣ *желѣзныя* двери, песпро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двухглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ место Оппоманской луны.

Перескакивъ за порогъ, шы въ проспанныхъ съняхъ на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишъ широкое крыльцо, ведущее на верхнія палаты. Но сперва остановимся въ съняхъ и посмотримъ на два прекрасные фоншана, безпрепанно льющіе воду изъ спѣны, и бѣлыя мраморныя чаши, одинъ на супропливъ дверей, другой шопчась нальво.

Дабы не оспавиши ничего недосказанымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣнимъ широкій коридоръ опь лѣваго угла прошивоположно входу спѣны, ведущей прямо въ домовую ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

Селамидъ-Гирей ханъ, сынъ Гаджи-Селимъ Гирея
хана (*)

Другая дверь шогоже коридора нальво даєшъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ спѣнъ до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водомепомъ. Это убѣжище предлесно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются опь жара окружающія Бахчисарай горы. Трепья дверь ведешъ въ ханскій диванъ, ш. е. въ комнату, гдѣ собирался государевъ советъ; въ нее есть входъ и чрезъ переднюю, снаружи опь большаго двора.

Когда я опишу шебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, шы будешъ имѣть понятие о всѣхъ прочихъ, разнесшуюющихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на спѣнахъ. Какъ фасадъ спроектилъ не по прямой чертѣ, а городками, то первое должно замѣнишъ, что главныя залы освѣщены съ прѣжъ споронъ, ш. е. всѣ изъ фасада выступающія оныхъ спѣны всплошь окончашыя. Другаго входа въ залу нѣшъ, кроме одной двери боковой, непримѣшной, между пиласирами Аравскаго вкуса, между коими и шкафы, такжे не примѣшные, находящіяся по всей

(*) Селамидъ владѣлъ опь 1587 по 1610.

шемной эпой спѣнѣ. Надъ оными спекла (въ лучшихъ залахъ) сиушки и снаружи покоя, до потолка, между коими стоящія украшенія лѣниой работы, какъ шо: чаши съ плодами, съ цветами, или деревца, съ чучелами разныхъ птицъ. Потолки также, какъ и шемная спѣна, споларной работы и весьма красивы: это шоненская вызолоченая рѣшеника, лежащая на лаковомъ грунгѣ, гусшаго краснаго цвета; на полу я увидѣлъ знакомые мнѣ по Испаніи *астеры*, ш. е. рогожки весьма искусно сплетенные изъ просника, родъ *гениста* и употребляемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнатахъ, съ трехъ сторонъ освѣщенной, кроме спавней служашъ еще и дѣтныя, узорчатыя спекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе, безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ вос точныхъ народовъ, во время крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія мы представимъ себѣ диванъ, ш. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ шканей на полу лежащія вокругъ всѣхъ спѣнѣ, исключая шемной, мы будемъ имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кроме трехъ или четырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими диванами, креслами и сполами. Сія послѣдняя ушварь особенно драгоценна для насъ *крещеныхъ*, ибо во всѣхъ спранахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто споловъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на которыхъ сидя подносы и бѣдя на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги на полу.

Ты легко догадаешься можешьъ, что въ споронѣ отъ сего спроенія находился гаремъ, неприспупный для всѣхъ, кроме хана, и для одного имѣющій сообщеніе чрезъ коридоръ съ дворцемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ

*

Разные домики, въ коихъ нѣкогда жерпвы любви, или лучше сказать, любоспрастія, помилися въ неволѣ, предстаивавшіи шептерь печальнуу картинау разрушенія; обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но чио въ шомъ пользы, когда то же время, рожкомъ узницамъ опредѣленное, пропекло для нихъ безотрадно въ рабскихъ угожденіяхъ одному, не по сердцу избранному другу, но жеснокому власпелику! На краю сего гарема стояла на большомъ дворѣ высокая шестиугольная бесѣдка, съ рѣшетками вмѣсто оконъ, изъ которой, какъ сказываюшъ, ханскія жены, невидимыя, смотрѣли на игры, въезды пословъ и другія позорища. Иные говоряшъ, будто шупшъ ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимицамъ своимъ. Это послѣднее пошому только вѣроятно, чио пѣшухъ съ семействомъ своимъ есть единственный картина, которую супругъ - мусульманъ можетъ предстаивать невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. Между сею полусогнившую бесѣдкою и кампаниою, о которой я говорилъ на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонштаномъ, есть прекрасный цвѣтничекъ, гдѣ мирти и розы могли нѣкогда виушати пѣсни Ташарскому Анакреону.

Но пора оставшись сіи, грудь шѣснящіе памятники невольничества и выйши подышать на чистомъ воздухѣ. Вошь насупропивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, террасы въ четыре уступа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачные источники, съ уступа на другой лющіеся въ каменные басейны. Можетъ быть, нѣкогда мурзы - царедворцы, уподобля Гиреевъ владыкамъ Вавилона, сравнивали и террасы ихъ съ висящими садами Семирамиды: но шептерь Крымское чудо сіе представляешъ видъ опускѣнія, такъ какъ и все памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоценный-

шаго здѣсь сокровища, воды: многія трубы уже засорились, а нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За мечетью, виѣ двора, кладбище хановъ и султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ поконится подъ бѣлыми, мраморными гробницами, осѣпленными высокими пополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тупъ лежащій Менгли и отецъ его, основатель могущества царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде, нежели оспавимъ сюю юдоль сна непробуднаго, я укажу шебѣтъ ошъ сюда на холмъ, влѣво отъ верхней садовой террасы, на коемъ стоятъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: это мавзолей прекрасной Грузинки, жены хана Керимъ-Гирея. Новая Запра, силою прелестей своихъ, она повелѣвала ишому, кому все здѣсь повиновалось; но не долго: увялъ райскій цветъ въ самое ушро жизни своей, и безопадный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей, дабы ежедневно входить въ онъ и ушѣшашся слезами надъ прахомъ незабвенної. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но нѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена. Справно очень, что всѣ здѣшніе жители непремѣнно хотятъ, чтобы эта красавица была не Грузинка, а Полячка, именно какая-то Попоцкая, будто бы похищеннія Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ никакого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались безполезными: они сносятъ въ одномъ: красавица была Попоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красавица женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Попоцкихъ.»

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

II.

Изъ Азіи перехали мы въ Европу (*) на корабль. Я шопчась отправился на шакъ названную *Митридатову еробницу* (развалины какой-то башни); шамъ сорвалъ цвѣшокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильно подействовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, спарые кирпичи и только. Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфа ѿхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блестѣли; передо мною въ шуманѣ шинулъся полуденныя горы..... «Вонъ Чешырдагъ,» сказалъ мнѣ Капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между шѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картишу плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ шапарскихъ издали казались ульями, прильплennыми къ горамъ, шаполи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между шими; справа огромный Аю-дагъ..... и кругомъ эпо синее, чистое небо, и свѣлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и обѣдался виноградомъ; я шопчась привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всемъ равнодушiemъ и беспечностью Неаполитанского Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома ростъ молодой кипарисъ; каждое утро я посещалъ его и къ нему привязался чувствомъ,

(*) Изъ Тамани въ Керчь.

похожимъ на дружество. Всъ все, члто пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я обѣхалъ полуденный берегъ, и пушнинскіе М. ожи-
вило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ
его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда
въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣши-
комъ, держа за хвости шашарскихъ лошадей нашихъ. Это
забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то шаш-
инскимъ, воспоминымъ обрядомъ. Мы перебѣгали горы, и
первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная
береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о
миломъ полуночи, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все
еще видѣлъ и шаполы и виноградныя лозы. Георгіевской мо-
настырь и его крушая лѣстница къ морю оставилъ во мнѣ
сильное впечатленіе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя раз-
валины храма Дианы. Видно мифологическія преданія счастли-
вѣ для меня воспоминаній историческихъ, по крайней мѣрѣ
шушъ посыпалъ меня риѳмы.

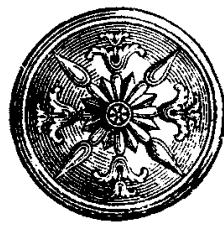
Въ Бахчисарай прїѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о
справномъ памятнике влюбленнаго хана. К ** поэтически
описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Во-
шедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фоншанъ; изъ
заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обо-
шелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ копо-
ромъ онъ исплѣваешь, и на полуевропейскія передѣлки пѣ-
копорыхъ компактъ. Н. Н. почти насильно повелъ меня по
вешкой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское клад-
бище:

Но не пѣмъ

Въ то время сердце полно было:
лихорадка меня мутила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоришь М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а что бы непремѣнно имъ воспользовался.

Конецъ первой части.

Продается въ книжномъ магазинѣ *А. Смирдина*,
по 20 руб. экземпляр.